

СТАРОБРЯДЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ О ПАТРИАРХѢ НИКОНѢ.

**ИСТОРИЯ О БЫВШЕМЪ БОГООТСТУПНИКѢ ПАТРИАРХѢ НИКОНѢ,
искоренителѣ древняго благочестія и всѣхъ свято-отеческихъ
уставовъ и преданій, списанная блаженныя памяти Андреемъ
Діонисіевичемъ, киноіархомъ и настоятелемъ Выгорѣцкаго
общинножителства, великаго сотрудника по святыхъ преда-
ніяхъ.**

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909 г. (кн. 9-я) напечатано Житіе Никона по рукописи Іоанна Шушерина. Теперь мы предлагаемъ тоже житіе составленное старообрядцемъ.

Самое лучшее изслѣдованіе подобнаго рода житій Никона въ разныхъ редакціяхъ сдѣлалъ В. П. Перетцъ, въ его историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ¹⁾. По его замѣчанію, изъ обзора содержанія рассказовъ о патриархѣ Никонѣ становится очевиднымъ, что первоначально они ходили въ особыхъ тетрадяхъ, и лишь позднѣе были объединены въ сказанія и повѣсти или вошли въ составъ такихъ обличительныхъ историческихъ сочиненій, какъ „Житіе инока Корнилія“. Кромѣ библиографическаго обзора подобнаго рода житій Никона, г. Перетцъ дѣлаетъ обширную выдержку о Никонѣ изъ житія Корнилія по рукописи Императорской Публичной Библіотеки, а также приводит и повѣсть о Димитріи, едва не удавленномъ бѣсами.

Наша рукопись иного состава. Она разнится съ тою, которою пользовался преосвященный Никаноръ, архіепископъ Одесскій, помѣстившій въ извлеченіи житіе Никона въ „Запискахъ Александра Б.“²⁾. „Это раскольническое сочиненіе, пишетъ преосвященный Никаноръ, въ отношеніи къ лицу Никона и его трудамъ довольно несправедливое, въ историческомъ же отношеніи замѣчательно съ одной стороны тѣмъ, что представляетъ собой попытку объять въ цѣлости всю исторію жизни патриарха Никона и, значить, всю исторію рѣшительнаго отпаденія раскола отъ православія; съ другой стороны тѣмъ, что оно переполнено искаженіемъ событій“. Далѣе преосвященный Никаноръ указываетъ на историческія противо-

¹⁾ Слухи и толки о патриархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII в.в. СПб. 1900 г. ²⁾ СПб. 1861 г.

рѣчія. Въ повѣсти говорится, будто Никонъ родился въ 1613 г. въ веси Вельдемановѣ, по Шушерину же онъ родился въ 1605 г. въ селѣ Вельяминовѣ*); по повѣсти Никонъ постригся въ Москвѣ на нѣкоемъ подворьѣ отъ нѣкоего скитающагося священноинока, на дѣлѣ же онъ постриженъ преподобнымъ Елеазаромъ въ Анзерскомъ скиту. Говоря о посланіи Никона къ Паисію по вопросу о книжномъ исправленіи, сочинитель повѣсти называетъ Паисія патриархомъ Александрійскимъ, тогда какъ Никонъ писалъ къ Паисію патриарху Константинопольскому и т. д. Затѣмъ пресвященный Никаноръ заключаетъ, что въ повѣсти всякое дѣйствіе патриарха Никона, какъ бы оно ни было благородно и благонамѣренно, изображается какъ злой умыселъ.

Нѣсколько другого состава повѣсть о Никонѣ находится въ Имп. Публичной Библиотекѣ въ Богдановскомъ сборникѣ № 27 и въ Погодинскомъ. Последняя, по заключенію А. Э. Бычкова, написана неизвѣстнымъ старообрядцемъ.

Въ обстоятельномъ трудѣ П. С. Смирнова: „Внутренніе вопросы въ расколѣ XVII в.“ относительно повѣсти о Никонѣ указывается на ея важность въ другомъ отношеніи, именно, что въ ней находится нѣсколько указаній на то, какимъ путемъ раскольники истолковывали въ лицѣ Никона „чрезвычайный сосудъ сатаны“. Разсказъ о предсказаніи Никону „волхва“ передается сочинителемъ повѣсти довольно кратко, хотя суть этого событія взята изъ повѣствованія клирика Іоанна Шушерина. Разсказъ о видѣніи строителемъ Анзерской пустыни Елеазаромъ змѣя, обвинягося вокругъ шеи Никона, во время чтенія имъ за службой Евангелія, есть искаженіе разсказа, записаннаго въ житіи Елеазара, гдѣ говорится, что строитель видѣлъ на Никонѣ омофоръ.

О видѣніи старцемъ Симеономъ пестраго змѣя и о предреченіи Іерусалимскаго патриарха Теофана, будто бы предсказавшаго „перемѣщеніе церковныхъ чиновъ“ въ Россіи, передается въ житіи инока Корнилія, напечатанномъ въ Исторіи Выговской пустыни. Въ Матеріалахъ для исторіи раскола (III, 209) Н. И. Субботинимъ помѣщено сказаніе о „богоотметникѣ Никонѣ“, и оно, очевидно, изъ того же лагеря, какъ и печатаемое нами житіе Никона, хотя совершенно другого состава.

Въ заключеніи долженъ упомянуть еще объ одной рѣдкой рукописи, находящейся въ архивѣ Св. Синода, хотя и не раскольнической, но вовсе не похожей и на житіе, составленное Шушеринимъ. Выше поименованная рукопись, № 3886, обстоятельно изслѣдованная А. И. Никольскимъ въ II т. его Описанія (стр. 660), имѣетъ запись, что это житіе Никона написано по повелѣнію архимандрита Лаврентія въ 1710 году.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій, Ноября 21-го 1910 г.

Помѣщаемъ это сказаніе, какъ произведеніе старообрядческой словесности (очевидно, подновленное), для исторіи же въ немъ цѣнны только несомнѣнныя черты понятій XVII вѣка. П. Б.

*) Архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ) говорилъ намъ, что предкомъ Никона былъ Ливонецъ, Вельдеманъ, плѣнникъ Іоанна Грознаго, который поселилъ его въ Книгининскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ. По матери Никонъ былъ Мордвинъ. Въ лицѣ его, судя по сохранившимся портретамъ, дѣйствительно есть что-то иноземное. П. Б.

Никонъ родился 1613 года Маія въ 21 день въ предѣлахъ Нижняго Нова града, въ селѣ Вельдемановѣ или Курмышовѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его Мина былъ росту великаго и сильный. А мать Никона была Маріамія. Роды Маріамія младенца паче мѣры большого и зѣло пострадала въ его рожденіи. Егда же родился сей дѣтищъ, приде къ Минѣ въ домъ Мордовскій шаманъ, язычникъ, знающій волшебное ремество. Минѣ же шаманъ сей и ранѣе былъ другомъ, а потому и пожелалъ видѣть шаманъ новорожденнаго дѣтища, обѣщая ему сказать его преднее. И егда же Маріамія открыла шаману дѣтища, тогда шаманъ сталъ читать по-мордовски какое-то волшебное призываніе, посмотрѣлъ на дѣтища и затрепеталъ, опустился на колѣни и глагола: „Будеть онъ царь не царь, а выше царей и князей, и бояръ, и будетъ онъ и богатъ, и нищъ, и построить онъ или города, или монастыри. И будутъ туда пріѣзжати и цари, и бояре, и князи. Будутъ за него молиться, и будутъ на него злоствовати, и его проклинять. Занеже царь и великій духъ его снискалъ, и землю онъ прославить, гдѣ родился и гдѣ будетъ погребенъ“. И съ этими словами шаманъ сорва со своего ожерелія златицу, кладя младенцу въ пелены, рече: „Пусть сіе злато умаститъ тебѣ дорогу, какую уговолавъ тебѣ самъ великій духъ“. Родителей же дѣтища сія восторженность шаманова привела въ великое смущеніе и боязнь. Рече Мина шаману: „Мы люди грѣшныя и не имѣемъ никакихъ добродѣтелей, и живемъ въ бѣдности. Къ чему ты возвѣщаеши странная нашему дѣтищу?“ и не повѣриша шаману. Затѣмъ родители призваша священника, крестиша дѣтища и нарекоша имя ему Никита.

По прошествіи жъ двухъ или трехъ лѣтъ, померла Маріамія, а Мина взя себѣ другую жену, мачиху Никитѣ. И по времени мачиха стала не любить Никиту за его непослушаніе. И взяла Никиту на воспитаніе нѣкая вдова Ксенія, сродница Минѣ, которая и воспитала его и научила грамотѣ. И Никита наслѣдовалъ возрастъ своего отца, сталъ зѣло мощнымъ юношей. Затѣмъ поступаетъ Никита во служеніе къ приходскому своему священнику Василию, которому сталъ Никита помогать въ его церковной службѣ. По нѣкоемъ же времени видитъ священникъ Никиту зѣло и непристойно ухаживающимъ за его дочерію Парасковіей и запрещаетъ своей дщери видѣтися съ Никитою. Но Никита нрава крутого и не терпѣвшій никакого противорѣчія, и чрезъ сіе убѣгаетъ Никита изъ дому священника и направляется въ монастырь Макарія Желтоводскаго, гдѣ по просьбѣ его и пріять бысть въ послуженіе. И какъ умѣющій грамотѣ и обладающій звучнымъ гла-

сомъ, и по времени, допущенъ въ число клириковъ. И нѣкогда случися Никитѣ идти въ другій монастырь съ двумя клириками и случися на пути обношевати у нѣкоего Татарина, ремесствомъ колдуна, подобнаго прежде описанному шаману. Также и сему умѣвшему предсказывать будущее, волхвуя скверною своею бѣсовскою книгою и палицею, Татаринъ предсказалъ Никитѣ быть государемъ великимъ. Но Никита хотя и не повѣрилъ словамъ Татарина, но крѣпко запала сія мысль въ его настойчивомъ характерѣ.

Не по многомъ же времени умре отецъ Никиты Мина. И возвратися Никита изъ монастыря въ домъ родительскій и женися на преждепомянутой дочери попа Парасковіи. И прискалъ себѣ мѣсто въ попы близъ своей родины. Жили они на поповствѣ нѣсколько лѣтъ, и было трое дѣтей, и всѣ вскорѣ послѣ рожденія умирали. Но у Никиты жъ въ душѣ глубоко вкоренилась тайная мысль со дня предсказанія ему волхва-татарина, а также и предсказанія Мордовскаго волхва-шамана, переданныя Никитѣ родителемъ его Миною; и на этихъ бѣсовскихъ предсказаніяхъ давно вкоренились въ сердцѣ Никиты: самолюбіе, гордость, властолюбіе и какое бы то ни было новое законодательство, и презирать все и все существующее ни во что. Но какъ достигнуть власти, былъ завсегдашній его вопросъ съ самимъ собою: выйдти ли изъ духовнаго званія и прославиться въ ратномъ дѣлѣ, и достигнуть какой-либо власти? Или принять иночество и чрезъ сіе получить въ духовныхъ чинахъ возвышеніе и достигнуть власти? И послѣднее Никитѣ представлялось удобнѣйшимъ и осуществительнымъ, чтѣ исповѣда женѣ своей Парасковіи. И хотя Парасковія и просила Никиту оставить сіе намѣреніе, какъ сумнительное и могущее не осуществитися, и просила не повинути ее сиротою, но Никита же объявилъ ей твердое, неуклонное свое намѣреніе. Упросилъ Никита и жену принять и ей мнишескій чинъ, обѣщая ей дать большую часть злата, прибрѣтеннаго на поповскомъ служеніи и отъ продажи имѣнія, чрезъ то бы могла быть въ монастырѣ извѣстною, а свое бы происхожденіе отъ всѣхъ скрывала и имѣла бы тщаніе предъ людьми быть любо подвижницею, любо предсказательницею, и старатися всею мощію быть извѣстною знатнымъ боярынямъ и служащимъ при дворѣ царевомъ, да негли могла бы въ будущемъ быть помощницею къ возвышенію его Никиты. При разлукѣ же, сказавъ Никита, что они разлучаются для прибрѣтенія почестей и славы, да не туне будетъ славное объ немъ предсказаніе. облече Никита свою жену въ черныя ризы, повелѣлъ ей поступить въ женскій Алексіевскій монастырь града Москвы, свое же объ-

явилъ ей намѣреніе, что ему необходимо нужно начать съ Соловецкія обители.

И тако разсташася лживіи будущіи мниси. Парасковія принята бысть въ Алексіевскій монастырь, а Никита въ градъ Москвѣ, на нѣкоемъ подворіи пріять мнишескій образъ съ наименованіемъ Никона отъ нѣкоего скитающагося инока. И тако новоначальный мнихъ Никонъ поиде въ Великій Новъ-градъ, да тамо обрѣтетъ путниковъ во отокъ Бѣлаго моря, въ глаголемый Соловецкій монастырь. И тако по нѣколициѣмъ времени чрезъ Новъ-градъ направляется Никонъ ко граду Архангельскому, а изъ града Архангельска въ числѣ богомольцевъ отправляется на корабли въ Соловецкій монастырь. По прибытіи въ монастырь встрѣтился Никонъ съ Соловецкимъ старцемъ Парменомъ, который и пригласилъ Никона обночевать въ его келію; старецъ же Пармень, какъ много лѣтъ живущій въ Соловахъ и добръ вѣдущій всѣ монастырскіе обычаи и уставы, и что клиръ Соловецкій полонъ и всѣ церковныя уставы опасно вѣдущій. И услыша Никонъ отъ Пармена, что есть на островѣ и скитъ Анзерскій, игумень каковаго есть старецъ Еліазаръ, и клириками сей скитъ бѣденъ. Глагола Пармень Никону, что въ Анзерскомъ скиту съ радостию примуть. Никонъ же сему радъ бысть зѣло. И приде Никонъ въ Анзерскій скитъ, и по просьбѣ его принять былъ старцемъ Еліазаромъ, и по нѣколициѣмъ времени допущенъ бысть Никонъ къ числу клириковъ. По малѣ же времени нача Никонъ старцу Еліазару глаголати о построеніи новаго храма на Анзороголгоѣской горѣ, и нача просити Еліазара ийти съ нимъ въ Москву для сбора на построение новаго храма. А самую же вещь желаше видѣтися съ своею женою и съ нею имѣть совѣщаніе о заранѣ задуманномъ своемъ намѣреніи. Старецъ Еліазаръ, не зная коварнаго умысла Никона, поиде съ нимъ въ Москву для сбора пожертвованій на сооруженіе храма. Въ Москвѣ же Никонъ часто отлучался отъ Еліазара и имѣлъ тайныя совѣщанія съ своею женою Парасковіей, переименованной во инокиню Наталію. И собраша старецъ Еліазаръ съ Никономъ до пяти сотъ рублей и возвратишася оба обратно въ Анзерскій скитъ. Съ сего времени нача Никонъ самовольно входитъ въ хозяйственныя управленія скитскими дѣлами, яко бы пріобрѣтохъ на сіе нѣкую власть за участіе въ сборѣ пожертвованій. По нѣколициѣмъ же времени нача нѣчто измѣнять и въ церковной службѣ, и съ старшими клириками нача спиратися, и нача приводити старца Еліазара въ немалое сомнѣніе.

И нѣкогда Еліазару во время божественной службы, сгда же Никону чтущу божественную литургію, видѣ Еліазаръ около вли Никона

змія черна и зѣло велика оплетшася, и вельми ужасеся. И глаголаше отай братіи, о какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ питаетъ: сей убо смутитъ тоя предѣлы и многихъ трясеній и бѣдъ наполнитъ. И прирече: аще бы кто убилъ сего чернеца, то умолилъ изъ за того Бога. И съ сего времени начаша Еліазаръ и вси братія не любити Никона и не допускати его до чтенія и пѣнія въ божественной службѣ.

Никонъ же, видя къ себѣ неуваженіе игумена и всей братіи, предпринимаетъ намѣреніе бѣжати отсюда въ Кожеозерскую обитель, еже есть въ Каргопольскихъ предѣлѣхъ, въ каковой обители проживаетъ протопопъ Прокопій, родной братъ Никонова тестя, попа Василія. И вскорѣ Никону преставися удобный случай. Стали снаряжать изъ Анзерской обители ладію для рыбной ловли на острова и на берегъ устья рѣки Онеги. И сталъ Никонъ проситися взяти и его на рыбную ловитву, но рыболовы его не принимаху, яко не умѣетъ молчати, а любитъ начальствовати и повредить рыболовному дѣлу. Никонъ же нача унижаться и обѣщаяся быть молчаливымъ и послушнымъ. И тако взяша Никона на рыбный промыселъ и приплыша къ островамъ Онеги и выѣхаша съ большей ладіи на малыхъ ладейцахъ на берегъ, и ту поставиша шатеръ и ловиша рыбу два дни, и наловиша довольно, солиша рыбу въ боченки и возиша на большую ладію, стоящую въ морѣ. По уборкѣ же рыбы сталъ Никонъ уговаривати старшаго рыболова Порфирія выпить пѣннаго по окончаніи добраго улова. И тако по настоянію Никона напишася вси допіяна, и наста ночь, уснуша вси крѣпкимъ сномъ. Никонъ же хотя былъ и пьянъ, но бодрственно исполнялъ свое задуманное злое намѣреніе. Егда же увидѣлъ всѣхъ товарищей уснувшихъ крѣпкимъ сномъ, тихо взя нужное и спусти съ берегу тихо обѣ ладейцы: во едину сѣдъ, а другую привяза. И тако увезъ обѣ ладейцы съ острова, безжалостно оставя на пустынномъ островѣ своихъ собратьевъ спящихъ, не знающихъ про злое коварство Никона (и привяза къ большей ладіи малыя ладейцы); якорь же ладейный ранѣе рыболовы добываху со дна моря тремя и четырьми челоуѣкамп, Никонъ же, обладавшій великою силою, единъ извлече якорь со дна моря. И направи парусы, поплы отъ своихъ собратьевъ, и увозя съ собою всю рыбную добычу и ладейцы, дабы не въ чемъ было постигнути его. И тако отплы отъ рыбаковъ на дальнее разстояніе, вплы въ устіе Онеги рѣки и доплы до нѣкихъ селеній, приста къ берегу и остави рыбу и ладіи, и поиде никѣмъ же ведомъ въ Каргопольскіе предѣлы, и достиже Кожеозерскія обители; и принять бысть своимъ дядею, протопопомъ Прокопиемъ. И проси протопопъ игумена Никодима, дабы Никонъ вчиненъ былъ въ число клириковъ, еже и бысть.

Упомяну же здѣ: бывшая Никона жена Парасковія, во инокиняхъ Наталія, своею неусыпною хитростію и притворнымъ постничествомъ и воздержаніемъ, чрезъ знатныхъ людей, вѣдома бываетъ къ царскому двору, царицѣ и царевнамъ. Одной же царевнѣ Татіянѣ Михайловнѣ, оставшейся незамужнею, открыла свою тайну, сказа про Никона, про его мужество и про его якобы великое знаніе, и про его предсказанія. И сотвори царевну Татіану Михайловну своею тайною подругою и ходатайницею своихъ преднамѣреній. И егда услыша Никона пребывающа въ Кожеозерской обители, отправляется инокиня Наталія, якобы за сборомъ подаванія, съ другою своею подручницею, а самую же вещь для потайнаго свиданія съ Никономъ и для объясненія ему успѣховъ и совѣщанія съ нимъ. По выходѣ же изъ града Москвы направляются черницы въ Каргопольскіе предѣлы и достигоша Кожеозерскія обители, гдѣ и имѣла инокиня Наталія многократное тайное свиданіе, и имѣли продолжительныя совѣщанія о своихъ злонамѣреніяхъ тайныхъ. И паки обратишася къ Москвѣ мниміи сборщицы подаваній на монастырскую обитель.

По прибытіи въ Москву, приде инокиня Наталія въ теремъ къ царевнѣ Татіянѣ Михайловнѣ и совѣтоваше съ нею наединѣ о возвеличеніи Никона. По прошествіи же нѣкотораго времени преставися игумень Кожеозерскаго монастыря Никодимъ. И Божиимъ поущеніемъ, приспѣ время къ возвеличенію Никона, будущаго искоренителя святоотеческихъ уставовъ и древняго благочестія. Избраша Никона Кожеозерскимъ игуменомъ, чрезъ неусыпное домогательство самого Никона. Услыша же сіе, инокиня Наталія и царевна Татіана Михайловна начаша юному царю Алексѣю Михайловичу и царицѣ Маріи Ильинишнѣ часто глаголати про Кожеозерскаго игумена Никона, яко издавна слышать отъ многихъ, яко и сама старица Наталія сподобилася видѣти такого мужественнаго, громогласнаго, сановитаго, величественнаго, поучительнаго, распорядительнаго, книжнаго писанія рѣдкостнаго вѣдателя, паче же рещи, якобы всѣмъ дѣламъ искусна и свѣдуща. И тако крадоводящи, сотвориша юному царю и царицѣ любити заочно хщнаго звѣря, волка, яко кроткаго агнца. Тако всегда всезлобный врагъ рода человѣческаго прельщаетъ сердца мудрыхъ, великомощныхъ и незлобивыхъ мужей злоковарною женскою лестію и сотворяетъ падати съ высоты величія къ безславію, и приводитъ отъ благочестія къ нечестію.

Вскорѣ послѣ сего вышепоманутыя жены, старица Наталія и царевна Татіана Михайловна, упростиша князя Юрія Сицкаго завести

тяжебное дѣло съ Кожеозерскою обителію о вотчинныхъ земляхъ, которыя завѣщаль Юріевъ отецъ Кожеозерской обители; и тако Юрій нача дѣло о ненужной ему вотчинѣ. И вызывается по сему дѣлу Никонъ въ Москву, якобы ходатаемъ за обитель. По прибытіи же въ Москву Никона на подворіе Кожеозерское, и тогда же на то же подворіе явилась странница-инокиня, сказавшаяся на подворіи изъ какого-то отдаленнаго монастыря, съ глубоко закрытымъ своимъ лицомъ и въ плохомъ одѣяніи, и просила у Никона дать ей на подворіи уединенную келію. Никонъ и приказалъ ей дать келію. Это была его жена Парасковія, инока Наталія. И тако въ эту келію тайно сходишася Никонъ, Татіяна Михайловна и жена Никона. И вскорѣ устроиша сіи жены служити Никону въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи юнаго царя Алексія Михайловича. И плѣнися юное сердце царево Никоновою наружностію, величественнымъ видомъ, сановитостію и громкимъ гласомъ, и кольми паче ходатайствомъ о Никонѣ нѣкихъ лицъ, по устройенію тайному жены Никона и царицы Татіаны Михайловны. И тако сотвориша юнаго царя ходатаемъ у патріарха Іосифа о возвышеніи Никона архимандритомъ въ Спасовъ монастырь на Новое, града Москвы. И царь поручаетъ Никону принимать прошенія къ его царскому величеству отъ обиженныхъ и являтися царю каждую Пятницу, и сіе исполняя, прославися предъ народомъ, яко истинный пастырь и отецъ обидимыхъ. Дивитижеся сему достойно, яко таковой скверный сосудъ на толь высокія степени восходити начинаше; понеже убо и первѣе не святіи прозорливіи мужи, но волшебницы Татарове, сѣдящимъ въ нихъ пытливыхъ діавольскихъ духовъ надхненныя, нарекли его быти великимъ государемъ. Потомъ преподобный Елеазаръ Анзерскій въ служеніи литургіи не голубя на немъ сѣдяца видѣ, яко же древлѣ Флавіанъ-патріархъ на Іоанновѣ главѣ Златоустаго, но змія черна страшна и велика около выи его обвившася, хотящія ли впредъ быти добродѣтели его къ такому великому его сану ждущія.

По нѣкоемъ же времени оставляетъ Новгородскій престолъ митрополитъ старецъ Аѳонія, за старостію лѣтъ и слѣпотою, и удаляется въ Спасовъ монастырь на Хутынѣ въ 1639 году. И на его мѣсто назначается Никонъ, который и спѣшитъ вскорѣ заняти митрополитскій престолъ. Пожелалъ видѣти своего предшественника, старца Аѳонію на Хутынѣ, пришедъ въ его келію, просяше благословенія. „Кто ты, откуда и како нарицаешися?“ спросилъ его Аѳонія, понеже глазами не видяше. „Азъ есмь, владыко, Никонъ, митрополитъ Новгородскій“, отвѣща Никонъ. Воздохнувъ Аѳонія вельми, отъ всея души, рече: „Приде время, яко и Никонъ въ митрополитахъ“, и прирече;

„воли Божіей оставляемъ о насъ полезная предусмотрѣти“. А когда же Аѳонія былъ близокъ къ концу, то заповѣдалъ близкимъ своимъ призвати другаго архіерея для погребенія тѣла его, а не Никона, зане же Никонъ врагъ Божій есть, прирече Аѳоній. Тако сіе событіе утверждаетъ старецъ Корнилій, бывшій келейникомъ митрополита Аѳоніи и перешедшій въ келейники къ Никону.

И тако Никонъ, попущеніемъ Божиимъ, сѣде на престолѣ премудрости Божіи, обладаемъ же властолюбіемъ, надхненною діаволомъ гордостію, нача умышляти, еже бы что необычное святому уставу и новое вводить. Нача древнее церковное пѣніе презирати и нача необычное новое пѣніе, многоусугубляемое партесное вводить. Слыша о семъ святѣйшій патріархъ Московскій Іосифъ, воспрещаше о томъ Никону накрѣпко. Но обаче Никонъ помогаемъ бываетъ самодержцемъ и духовникомъ его Благовѣщенскаго собора протопопомъ Стефаномъ Вонифатіевымъ, и того ради небрежаше патріархову запрещенію. Засимъ умысли вскорѣ Никонъ: повелѣ написать образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, имѣющу въ нѣдрахъ младенца всего совершенна. Послѣ бывшаго митрополита Аѳоніи келейникъ Корнилій служаше Никону. Случися приидти изъ Соловецкаго монастыря черному діакону Пимену. Глаголетъ Пименъ Корнилію: „Что ты вѣдаешь, Корнилій: Никонъ митрополитъ—антихристъ“.—„Бѣснуешися, тако глаголеши“, отвѣща ему на сіе Корнилій. „Идемъ въ церковь и видимъ, како людей благословляетъ“. И идоша и видѣша извѣстно, яко по новому, а не якоже прежніи святителие благословляли, но нѣкакo странно, растопыря пальцы. Ужасень бысть сему необычному видѣнію и убѣжа отъ служенія Никону Корнилій.

И тако правящу нѣколико лѣтъ Никону Новгородскою митрополіею и вводящу новыя уставы.

Въ 1646 году, по указу цареву, Никонъ съ княземъ Иваномъ Никитичемъ Хованскимъ ѣдетъ за мощьми святого Филиппа митрополита въ Соловецкій монастырь: и посѣщая тамъ Никонъ темницы, гдѣ увидалъ Никона сосланный патріархомъ Іосифомъ за разныя ереси Арсеній Грекъ. Рече Никону: „святѣйшій патріархъ Никонъ, благослови, всяко соблазнился еси о мнѣ“.—„О, человекъ, азъ есмь не патріархъ, но митрополитъ Новгородскій“, рече Никонъ. Арсеній же, продолжая его называти патріархомъ, и глаголя: „Вскорѣ будеши возведенъ на патріаршій престолъ великія Россіи: воспомяни мене во славу твоею и

изведи отъ мрачныя сея темницы“. — „Аще сіе сбудется“, отвѣща ему Никонъ, „то исполнено будетъ прошеніе твое“.

Егда же былъ Никонъ въ Соловкахъ, въ то время на Москвѣ умеръ патріархъ Іосифъ, и погребоша его съ великою честію въ Успенскомъ соборѣ. И бысть царь вельми опечаленъ о лишеніи патріарха, и сталъ совѣтоватися съ дворомъ и боярами. И прииде въ теремъ къ сестрѣ своей царевнѣ Татіянѣ Михайловнѣ, всегда считая ея мудрою, безъ ея же совѣту ничто же начинаше. И прося ея совѣту объ избраніи патріарха; царевна же стала совѣтъ давати, яко достоинъ такового сана митрополитъ Новгородскій Никонъ, и совѣтова царевна государю сходитъ къ великой подвижницѣ, схимницѣ Наталіи, въ Алексіевскій монастырь. Рече, якобы та чрезъ великіе ея подвижническіе труды имѣетъ даръ отъ Бога прорицати будущая и не укажетъ ли она болѣе достойнаго мужа ко пріятію сего великаго сана. Поблагодари царь сестру свою за совѣтъ и поѣха въ Алексіевскій монастырь. Взойдя царь въ келію мнимыя подвижницы Наталіи, которая удостоила царя благословеніемъ и просила его сѣсть. „Я къ тебѣ за совѣтомъ, мати Наталія“, сказалъ царь: „умеръ у насъ патріархъ“. — „Слышала я грѣшная и молилася за упокой души святителя“, сказала старица. „Ты у насъ пророчица и великая подвижница; Святой Духъ тебѣ откроетъ, кому быти у насъ патріархомъ. Прорцы, великая мати“, сказалъ царь. Старица же немного помолчала и рече: „Дай, прежде помолюся Богу; если Онъ сподобитъ меня, и быть можетъ, я и нареку имя будущему патріарху великія Россіи, и тогда будетъ онъ Богомъ избранный“. И старица предъ иконою пала ницъ, и стала что-то невнятное царю читать, и поднявшись, якобы вдохновенно воскликнула: „Идетъ изъ дальней сѣверной страны подвижникъ великій, идетъ онъ среди лѣсовъ, блатъ и степей. Не имѣетъ онъ покою ни днемъ, ни ноцію; окруженъ онъ великой стражей. А съ нимъ великій святитель почиваетъ въ гробу. и несетъ подвижникъ на раменахъ своихъ этого святителя. Имя почившаго: святитель и чудотворецъ, митрополитъ Филиппъ. И вижу я: вотъ святой Филиппъ изъ гроба возстаетъ въ свѣтломъ сіяніи и благословляетъ несущаго его великаго святителя“. — „Какъ имя тому святителю?“ съ трепетомъ спросилъ царь. „Имя нарекъ святой Филиппъ тому подвижнику Никонъ“, и съ этими словами старица якобы въ изнеможеніи падаетъ на полъ.

И тако ослѣпленъ бысть самодержецъ женскимъ хитрымъ злоковарствомъ и лестію, и принимаетъ намѣреніе возвеличить Никона въ

санъ патріаршій. Вскорѣ послѣ сего съ великою честію срътоша мощи святителя Филиппа. Такожде царь, синклитъ и духовенство срътоша митрополита Никона съ подобающею честію, и Никонъ ѣдетъ почити съ путнаго труда въ Спасовъ монастырь, гдѣ ранѣ бысть архимандритомъ. И чрезъ два дня царь собираетъ къ себѣ въ полату бояръ и духовенство и объявляетъ имъ свое намѣреніе возвести Никона въ санъ патріаршій, и проситъ ихъ идти съ нимъ въ Спасскій монастырь бить челомъ Никону. И тако поѣхаша въ Спасскій монастырь царь, синклитъ, и духовенство, и бояре, а Никону уже было тайно извѣщено о склоненіи царя къ возвеличенію его въ патріаршій санъ. И прія Никонъ царя и бояръ съ радостію. Рече царь къ Никону: „Мы съ нетерпѣніемъ ждали тебя, пресвѣтлый владыко; церковь наша осиротѣла, погребли мы патріарха Іосифа; вмѣсто него буди нашимъ наставникомъ, отцомъ и великимъ патріархомъ всея Россіи“. И съ сими словами царь, духовенство и бояре поднялись съ мѣсть и низко поклонились Никону. Такожде и Никонъ поклонился царю и боярамъ. Рече Никонъ: „Я, рабъ Божій и царя, не чувствую въ себѣ столько силъ, чтобы сдѣлаться патріархомъ. И аще бы азъ и рѣшился на пріятіе сего сана, то не иначе подъ симъ условіемъ, чтобы безъ всякаго съ чьей-либо стороны вмѣшательства и мнѣ бы одному предоставлено было устроеніе церкви, по наитію Святаго Духа, каковое получу при посвященіи въ патріархи“. Глагола царь на сіи слова Никону: „Я и всѣ мы предстоящіи здѣсь по пріятію тобою сана перечить тебѣ ни въ чемъ не будемъ; я порукою за себя и за всѣхъ предстоящихъ сановитыхъ людей“. И паки поклонилася вси Никону. Никонъ же зѣло радостный рече царю: „Видно, на то воля Божія; не смѣю ослушатися божественнаго промысла. Да будетъ тако. Принимаю на себя бремя патріаршаго святительства“. Тогда обнялъ царь Никона и облобыза его. Радостный Никонъ цѣлова всѣхъ бояръ и духовенство, пришедшихъ къ нему.

И тако 24 Іюля Никонъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ. И тако по седми тысящамъ лѣтъхъ прикрываетъ свои звѣринные острые ногти овчія кротости кожею и входитъ во Всероссійское христіанское стадо. И по малѣ времени вспомянувъ Никонъ лжепророка своего изъ Соловецка Лавринова по обѣщанію своему, и спустити повелѣ не яко отъ темницы узника, но яко видѣннаго тайновидцемъ исходящаго изъ бездны на поспраніе Православія звѣря, его же вземъ устрои на печатномъ дворѣ справщикомъ. Какъ сей Арсеній надхненъ Латынскаго отступленія ядомъ, бысть богоотступнаго звѣря Никона подобноравное ему во всякой новолюбительной лжи и дерзости любимое чадо: и

умыслиша между собою ввести въ православную Россійскую церковь всѣ Латинскіе обычаи и уставы.

И поиде Никонъ къ царю Алексію Михайловичу, хотѣя всеконечнѣ окрасти цареву незлобивое сердце. Приде къ царю и рече: „Владыко царю. Отъ многихъ на Словенскія книги укоризненныя словеса, якобы съ Греческими и съ Россійскими древними харатейными книгами не согласуются“. И много глагола хулы на древнія книги и на всѣ церковныя святыя уставы. Егда сіе злонамѣреніе лестію предъ царемъ излагаше, въ тую ночь нѣкій добродѣтельный старецъ Чудова монастыря, именемъ Симіонъ, видѣ сонное видѣніе сицево: якобы великій пестрый и страшный змій, который обогнувшись около стѣнъ царскихъ палатъ, главу и хоботъ имѣя внутри полаты, и шепталъ во ухо царю. И отъ сего страшнаго видѣнія возбудися старецъ, и нача въ себѣ размышляти, что се хочетъ быти. И со ужасомъ нача тайно подругомъ своимъ повѣдати, и познаша, яко въ ту ночь Никонъ проси о препечатаніи книгъ и о премѣненіи святоотеческихъ церковныхъ уставовъ и обычаевъ. Царь же Алексій Михайловичъ не знаяше въ Никонѣ крыющагося душетлѣннаго и смертоноснаго яда, изрыгающаго всеконечныя хулы на святую церковь, и не знаяше злоковарнаго хитроплетенія Никоновы жены, мнимыя подвижницы и предсказательницы старицы Наталіи.

Егда же царь выслуша Никоново намѣреніе и прошеніе о исправленіи святыхъ книгъ, яко бы неправильныхъ и растлѣнныхъ, рече царь къ патріарху: „Великій нашъ государь, святѣйшій патріархъ! Ты нашъ Богомъ избранный и нашъ отецъ: какъ ты и святители рѣшите, на то и я буду согласенъ. Собери весь синклитъ и тогда избличи всѣ неправды. А нынѣ я тебѣ даю совѣтъ: обратися ты по сему великому дѣлу къ великой подвижницѣ, старицѣ инокинѣ Наталіи. Она наша пророчица, дастъ тебѣ благій отвѣтъ по внушенію Святаго Духа“. Рече Никонъ: „Давно азъ слышу о сей святой и великой подвижницѣ, но до сего времени не сподобился ее видѣти; и слышахъ отъ многихъ, что сія великая подвижница никого не принимаетъ, ни бояръ, ни святителей“. Рече царь: „Азъ вѣдаю; но ты поиди отъ моего имени, и она приметъ, святѣйшій нашъ отецъ. Эта великая подвижница, по смерти патріарха Іосифа, нарекла по вдохновенію и твое патріаршее имя, егда азъ о семъ просилъ ея святыню. А ты, егда къ ней придеши, глаголи ей, что Богъ ея молитвами възискалъ тебя и проси ея молиться за мене съ царицею“. Патріархъ

благословилъ царя. И поѣха на утріе въ Алексіевскій монастырь на неблагій совѣтъ ко мнимоѣ подвижницѣ. Пріѣха въ монастырь и объяви намѣреніе игуменіи. Игуменія же поведе Никона ко лживой предсказательницѣ. Патріархъ былъ въ богатомъ облаченіи: на клобукъ его сіялъ драгоцѣнный алмазный крестъ и двѣ панагіи, осыпанныя драгоцѣнными каменіями, на груди. И тако вошли въ келію къ старицѣ Наталіи, которой былъ видъ лица чуждъ подвижничеству и постничеству, но веселъ. И свиданіе ихъ было, якобы никогда же видѣшася, и другъ другу преподаша своя благословія. Патріархъ передалъ ей, какой у него былъ совѣтъ съ царемъ, и какая настоятъ нужда въ исправленіи церковныхъ книгъ, и какія онъ намѣренъ сдѣлать исправленія, и рече, яко царь на сіе присла его испросити ея благословія. Инокія, помолча довольно, рече къ патріарху: „Святѣйшій отецъ, патріархъ, истинно ты говоришь; намъ нужно возвратитися къ Евангельской истинѣ, и тогда мы будемъ вновь православными. Дѣлай, что Святый Духъ говоритъ, но на полпути не останавливайся; ты бо патріархъ, и никто тебѣ противитися не можетъ... И я даю свое благословіе“. Тогда рече патріархъ ко игуменіи: „Изыди, дщи моя, изъ келіи, азъ бо имѣю нужду бесѣдовати съ сею подвижницею Наталіею на единѣ“. И тако игуменія остави сего хищнаго волка съ хитрою волчицею, мужа съ женою. якобы для духовнаго совѣщанія.

По семъ ѣдетъ Никонъ изъ сего монастыря въ царскія палаты и глаголетъ царю: „Былъ я у великія подвижницы, и она зѣло похвалила мое намѣреніе и вдохновенно сказала: „воистину необходимо сіе исправленіе книгъ и уставовъ“, и сказала, что тогда мы вновь будемъ православными. И ни на какія препятствія смотрѣть не совѣтовала и дала на сіе дѣло свое благословіе“. И тако сотвори Никонъ царя повинна своему всезлобному намѣренію. Рече царь: „Я знаю сію великую подвижницу, и она всегда говоритъ по вдохновенію ей отъ Бога. Даю тебѣ мое соизволеніе и повелѣніе на сіе необходимое дѣло“, и даде Никону соизволеніе собрати соборъ. синклитъ и духовенство.

И тако Никонъ получи отъ царя власть расклѣвати святыя богодуховенныя книги и всѣ святые древнецерковныя уставы и обычаи. И собираетъ Россійскій соборъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ Грановитой Палатѣ, въ присутствіи царя, синклита и всего духовенства. И предлагаетъ Никонъ собору исправить всѣ святыя церковныя книги, якобы неправильныя и расклѣнныя, и настоятельно требуетъ соборъ ему, какъ главѣ Всероссійской церкви, повиноватися во всемъ. И иные по

невѣдѣнію Священнаго Писанія, иніи прельстившеся миролюбіемъ свѣта сего, не восхотѣша лишитися своихъ сановъ и почестей, иніи же убояшася прещенія мукъ и заточенія грознаго властари-патріарха Никона, понеже бо видяще и государя-царя поддержаща руку патріарха. И тако повинуюся мало не весь соборъ всезлобному и пребеззаконному вождю патріарху Никону; останася токмо малое избранное стадо, вѣдущее опасно божественное писаніе: протопопъ соборный Аввакумъ Петровичъ *), протопопъ Даніилъ, соборный священникъ Лазарь, соборный священникъ Никита, священно-инокъ Капитонъ, діаконъ Ѳеодоръ, старцы Авраамій и Исаія, архимандритъ Спиридонъ Потемкинъ, епископъ Коломенскій Павелъ. Сін мужественно сташа, поборяюще по древнемъ благочестіи, обличающе Никонovo нововводное мудрованіе, не убояшася ниже прещенія, ниже мукъ и ниже темничнаго заключенія. Мужественно сташа, яко столпи непоколебиміи. И по окончаніи сего собора повелѣ Никонъ всѣмъ подписоватися подъ его начертанное соизволеніе, глаголя: „Нечего вамъ сомнѣватися, а совѣтую всѣмъ моему соизволенію повиноватися и подписатися“. И тако начаша вси подписоватися къ его всезлобному начинанію. И егда же дойде чреда до Павла, епископа Коломенскаго, онъ же возьмъ нача писати на хартіи: „Аще кто отъ обычныхъ преданій святыхъ католическія вѣры чтѣ отъиметь, или приложитъ, или инако развратитъ, анаѳема таковый да будетъ“. И симъ подписаніемъ, яко острымъ оружіемъ, Никона прободе. Никонъ же отъ ярости не возможе стерпѣти: аки лютой звѣрь, ухвати Павла, нача немилостивно своими руками священнаго Павла бити вельми. Елико не соизволиша покоритися нечестивому соизволенію патріарха, глаголю жъ Павла, епископа Коломенскаго, протопоповъ и священниковъ посадиша въ темницу, въ Спасовъ каменный монастырь.

Послѣди же Павла, епископа Коломенскаго, призва Никонъ предъ себе и много увѣщавъ пріяяти новыя уставы; доблій же Павелъ неустрашенно обличаше Никона отступникомъ и ругателемъ святыхъ древлецерковныхъ уставовъ. Никонъ же, не могій терпѣти обличеній Павловыхъ, и разсвирѣпѣ на Павла, аки дивій вепрь; повелѣ Павла облачити въ епископскія одежды и, не усрамяся великаго сана святительскаго, самовольно и беззаконно нача своими руками сдирати съ Павла святительскія ризы, и сня съ него мантию, и предаде его слу-

*) Сохранилось нѣсколько писемъ царя Алексѣя Михайловича къ протопопу Аввакуму. Ихъ давалъ мнѣ читать въ Государственномъ Архивѣ покойный хранитель онаго Н. А. Губбенетъ. II. Б.

гамъ на лютое біеніе, и посла на заточеніе въ Хутынской монастырь; и послѣжде превезоша священнаго Павла въ Пустозерскъ, и тамо сожгоша въ срубъ за древнее благочестіе.

По малѣ же времени послѣ бывшаго богопротивнаго собора, добродѣтельный старецъ, именемъ Корнилій, въ Чудовъ монастырь видѣ во едину ночь во снѣ, яко бы быти ему во Успенскомъ соборѣ и видѣ двухъ человекъ прящихся между собою: единъ бѣ благообразный, а другій темнообразный и зѣло мрачный; благообразный, имѣя въ рукахъ трисоставный крестъ, а темнообразный, имѣя въ рукахъ двучастный крестъ, крыжъ Латинскій. Глагола благообразный къ темнообразному: „Сей есть истинный крестъ Христовъ“. Глагола темнообразный къ благообразному. „Приспѣ время сего двучастнаго почитати, а не онаго“. И тако имъ много прящимся о семъ, и темнообразный благообразнаго одолѣ. И тако возбудившуся старцу отъ сна, и поиде Корнилій къ заутренѣ въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, и услышавъ тамъ спорившихъ, одинъ рече: „пой по новому“, другой рече: „не поемъ по новому, но по старому; како научихомся, тако и поемъ, а по новому не поемъ и не умѣемъ“. И рече первый: „Какъ нибудь пой, токмо по новому, а не по старому“. И долго имъ прящимся, одолѣша новолюбцы.

Въ тотъ день за литургіей были розданы просфиры съ четвероконечнымъ крестомъ. И многіе просфиры сіи принесоша на трапезу, показующе другъ другу со ужасомъ, и ясти не стали. И многіе пересташа ходить въ церковь, и стали молитися по келіямъ и въ домахъ, начаша смѣлѣе толковати о значеніи 666, числа звѣрина и о пришествіи Антихриста.

Надежить же здѣ слово вспомнати о женской коварной лести и хитросплетеніи, чрезъ которую достигнувъ Никонъ патриаршескаго сана, чрезъ свою пронирливую и хитрую жену и чрезъ царевну Татіану Михайловну, которая всестрасно плѣнися Никономъ, бывшимъ еще Новоспасскаго монастыря архимандритомъ, и всѣ свои хитрости женскія и тщаніе имѣла къ его возвеличенію. И егда же онъ возведенъ на патриаршій престолъ и зная, что чрезъ ея тайное ходатайство, и нача ее часто посѣщати; но неприлично бѣ патриарху входить часто въ ея женскій теремъ. Царевна же Татіана Михайловна отказалась отъ жениховъ и замужества и пожелала поселитися въ женскій Алексіевскій монастырь. Патриархъ совѣтова царю отпустить сестру

свою въ монастырь. И самъ патріархъ руководилъ построениемъ для царевны зданія. И отстроилъ сіе зданіе тако, чтобы былъ входъ и въѣздъ извнѣ, а не чрезъ общіе врата монастырскіе, и кругомъ зданія обсадиша древеснымъ садомъ. Когда же устроиша палаты, самъ Никонъ освяти. И переѣха царевна жити въ новыя сіи палаты, и нача Никонъ часто днемъ ѣздити, а ночьюъ пѣшью тайно ходити въ простомъ одѣяніи.

Когда же царь Алексій Михайловичъ уѣхалъ изъ Москвы воевати въ Польшу съ многочисленнымъ своимъ воинствомъ, остави же вѣдати всеми царскими дѣлами патріарха Никона и блюсти ему царицу съ дѣтями, и весь царскій домъ, и именоватися Никону во отсутствіи великимъ государемъ. И случившейся въ то время въ Москвѣ моровой язвъ, уведомляетъ о семъ Никонъ царя. И царь приписываетъ Никону, приказываетъ блюсти столицу князьямъ Пронскому и Хилкову, а ему бы патріарху съ царицею и со всемъ царскимъ домомъ выѣхати немедленно въ безопаснѣйшія мѣста. И Никонъ, изготовивъ подводы и забравъ царскую семью и весь дворъ со слугами, и своихъ дяковъ, и писцовъ, и своего печатника, ссыльнаго чернца Арсенія Грека и еретика, о коемъ писаша вселенскій патріархъ сице Московскому патріарху Іосифу и царю Алексію Михайловичу, что Арсеній есть еретькъ и въ жидовство обрѣзанъ, и вѣрѣ христіанской конечный врагъ и отступникъ, и во многихъ мѣстѣхъ и градѣхъ вѣру христіанскую искажилъ, по своему еретическому умышленію, за каковыя винны Арсеній и сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь, откуда Никонъ самовольно и вывелъ такового звѣря, подобна себѣ.

И тако Никонъ выѣха изъ Москвы съ царскимъ дворомъ и со многою прислугою великимъ караваномъ и направишася къ Калязину. На пятый день остановишася въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ вотчинѣ боярина Боборыкина, на возвышенномъ мѣстѣ. И когда устанавливали шатры, царскія сестры, Никонъ и Арсеній Грекъ пошли осматривать окрестности. Въ одномъ мѣстѣ Арсеній остановившися и рече восторженно: „Какъ сія мѣстность напоминаетъ Іерусалимъ. Вотъ сія рѣка (Истра) точно Іорданъ; вонъ тѣ горы на Западъ точно Фаворъ и Ермонъ; а вотъ ручей, текущій у подножія горъ, подобенъ Кедрону; а та мѣстность, аки долина Іосафатова, а тѣ деревья и мѣстность подобны Геѡсиманіи; тутъ не достаетъ токмо храма Воскресенія, и это былъ бы второй Іерусалимъ“. Глагола царевна Татіана Никону: „Что помышляеши о семъ мѣстѣ?“ Рече патріархъ: „Азь давно имѣю намѣреніе построити Новый Іерусалимъ и приискавалъ я

мѣстности на краю свѣта, въ Соловкахъ; но подобной прекрасной мѣстности нигдѣ я не встрѣчалъ. Буду просить государя-царя, дабы далъ мнѣ соизволеніе и помощь на сооруженіе будущаго Новаго Іерусалима“. Рече царица Татіана патриарху: „Аще есть у тебе такое намѣреніе, то и я дамъ помощь на сооруженіе храма, и упрошу брата-царя; онъ меня всегда слушаетъ; надѣюсь, и въ этомъ дѣлѣ послушаетъ“. Рече патриархъ: „Великая царица, для меня всегда бываютъ твои рѣчи закономъ, а мое желаніе и намѣреніе есть неотлагательное; оно будетъ къ возвеличенію всего Россійскаго государства, понеже всѣ нынѣ восточныя патриаршія престолы подъ нечестивою властію, а когда у насъ будетъ Новый Іерусалимъ, тогда и патриаршій Россійскій престолъ будетъ первый вселенскій престолъ, а патриархъ будетъ именоватися Іерусалимскимъ и первымъ судіею вселенскимъ“. На сіи рѣчи Арсеній Грекъ рече: „Аминь. Да будетъ тако“, и громко прогорланиша съ Никономъ какую-то духовную пѣснь. И по семъ поидоша въ готовые шатры.

И тако Никонъ съ царскимъ дворомъ преѣзжая съ мѣста на мѣсто нѣсколько мѣсяцевъ, а когда возвѣстиша царю, что морь въ Москвѣ прекратися, и тогда по царскому указу Никонъ со дворомъ пріѣха въ Москву. А по взятіи Смоленска пріѣха и царь въ Москву въ Февралѣ мѣсяцѣ, и срѣтоша его въ Москвѣ, яко побѣдителя съ великою честію. И царь возблагодари Никона за сохраненіе двора царицы. По семъ нача Никонъ часто бесѣдовати съ царемъ о своемъ намѣреніи построить Новый Іерусалимъ, якобы къ возвеличенію всего Россійскаго государства, и его царскаго величества, и патриаршаго престола. Также и царица Татіана Михайловна нача часто просити брата-царя, рече, яко патриарху на сіе великое дѣло есть вдохновеніе свыше. И тако прельстиша тишайшаго государя, и сотвориша его соизволяюща и повелителя сему своеумышленному гордостному дѣлу. И тако дождашася весны. Отдаеть царь Алексій Михайловичъ свое повелѣніе синклиту и князьямъ, и бояромъ, и всѣмъ знатнымъ людямъ, и всему населенію Москвы, и приказываетъ и призываетъ ихъ въ назначенный день быти съ нимъ на освященіи мѣста, и начатіи сооруженія Новаго Іерусалима. Также и патриархъ отдаеть свое приказаніе по всему духовенству быти на мѣстѣ начатія постройки Новаго Іерусалима.

И тако впредъ до назначеннаго дня нѣи дня за два, нѣи за три, нѣи пѣшіе, нѣи на конѣхъ, и тако многое множество народа всякаго

чина и званія и пола, и сташа надъ рѣкою Истрою обширнымъ станомъ. Егдаже прѣѣха царь съ царицею, патріархъ съ духовенствомъ срътоша царя крестнымъ ходомъ. Народное множество падаетъ предъ царемъ ницъ, патріархъ благословляетъ царя и цѣлуется съ нимъ. Рече патріархъ царю: „Великій государь! Да будетъ приходъ твой на сіе мѣсто, гдѣ сподобить мя Господь Богъ воздвигнуть обитель и храмъ Воскресенія Христова, великимъ знаменіемъ. Цари Россійскіе во вѣки будутъ посѣщать сей храмъ. И чтобы благодать Царя царствующихъ на нихъ снизошла и спасла ихъ отъ враговъ. Я и все Россійское духовенство привѣтствуемъ и благословляемъ тебя. Теперь грядемъ на мѣсто, идѣже полагаемъ соорудить храмъ и обитель. Помолимся Господу силъ и освятимъ сіе мѣсто, и назовемъ его „Новый Іерусалимъ“. И съ сими словами Никонъ двинулся впередъ съ крестомъ, а за нимъ царь и народъ, и запѣли: „Тебе Бога хвалимъ“. Мѣстность была прекрасная, всюду разставлены были шатры, и между ними возвышались царскій и патріаршій шатры. Готовились трапезы для царя, бояръ, духовенства и всего народа. Отслужилъ Никонъ на рѣкѣ Истрѣ молебень, освятилъ воду, и набраша воды въ сосуды, и патріархъ поиде и нача кропляти всѣ мѣста, гдѣ назначалъ сооруженія. А на томъ же мѣстѣ, гдѣ намѣренъ былъ заложити храмъ Воскресенія, были уже выкопаны рвы и приготовлены камни и гривны. Остановися Никонъ на семъ мѣстѣ, нача служити другой молебень и водоосвященіе. Послѣди же сего царь положи въ ровъ первый камень и гривну, тоже сотвори Никонъ, и клирицы запѣша: „Тебе Бога хвалимъ“ и тропарь кресту. По семъ приложишася ко кресту; по семъ патріархъ сня святительское облаченіе, поведе къ обѣденнымъ столамъ.

За обѣдомъ царь обратися къ Никону и рече: „Великій государь, святѣйшій отецъ и богомолецъ нашъ! Повѣдай намъ, почему ты нарекъ мѣсто сіе „Новымъ Іерусалимъ?“ Нача Никонъ глаголати заранѣе приготовленныя рѣчи, на письмѣ, Грекомъ Арсеніемъ. Сиде рече: „Великому и благовѣрному государю моему и предстоящимъ боярямъ, и окольнымъ, и думнымъ властямъ, не безвѣдомо да есть, яко церковь восточная и святой градъ Іерусалимъ въ полону у Турецкаго султана. Патріархи восточные, Антиохійскій, Александрійскій, Іерусалимскій и Цареградскій, всѣ находятся въ полону Турскомъ. Не можетъ быть по этой вещи и церковной свободы нашимъ путешествующимъ богомольцамъ ко Гробу Господню, чинять тамъ всякія неправды. Вдохновиль мя Святой Духъ соорудити на семъ мѣстѣ храмъ Воскресенія по образу и по подобію храма Іерусалимскаго, да имѣютъ благочестивые

и вѣрующіе мѣсто безопаснаго поклоненія. А святая восточная церковь со своими блаженными патриархами да имѣють убѣжище и приютъ на случай Турскаго гоненія. Латинство тѣмъ и сильно, что папа въ Римѣ независимъ и единъ на Западѣ: а наша Грековосточная церковь тѣмъ и слаба, что она разрознена на многія патриаршества. Молю Господа силъ, да соединитъ Онъ въ грядущемъ всю восточную церковь въ семь Новомъ Іерусалимѣ. Безъ того не можетъ быть единенія и всѣхъ Славянскихъ народовъ, указанныхъ преподобнымъ Нестеромъ. Мы съ тобой, великій государь, положили первый камень этому единенію, и нынѣ присоединяются къ моему патриаршеству Кіевская митрополія и епископство Галичское и къ твоему царству; но стонуть еще подъ игомъ Турокъ и Нѣмцевъ иные православные народы: Болгары, Сербы, Словенцы, Моравы, Герцеговинцы, Босняки и Черногорцы. Всѣ они придуть подъ твою, государь, высокую руку и подъ мое патриаршее вѣдѣніе и благословеніе. Тогда и мѣсто сіе будетъ, какъ пребываніе ихъ патриарха, сдѣлается для нихъ Новымъ Іерусалимомъ. Вотъ почему и и нарекъ сіе мѣсто „Новымъ Іерусалимомъ“. Сіи рѣчи патриарховы царю Алексію Михайловичу зѣло полюбилися, но боярамъ многимъ не полюбися.

Егда же скончаша трапезу, патриархъ поведе цари и всѣхъ бояръ и именитыхъ людей на мѣсто сооруженія, и нача показовати, гдѣ и чтѣ будетъ сооружатися. Царь остана всѣмъ доволенъ и тутъ же пожертвова на сооруженіе храма, обители и содержаніе множество сель бывшаго Коломенскаго епископства; и весь синклитъ, бояре и стольники стали жертвовать, такожде купцы и именитые граждане, и наклаша много сребра и злата и много отписаша вотчинъ и имѣній.

Вскорѣ Никонъ со своимъ клеветомъ, богоотступникомъ Арсениемъ заняшеся построеніемъ. Хотя князья и бояре вси, въ подражаніе царю, сдѣлаша великія пожертвованія, но быша зѣло недовольны Никоновымъ своеумышленнымъ, неблагомъ построенію. Тутъ же послѣ Никоновыхъ рѣчей и пожертвованій многіе отдѣлишася и говориша между собою: „Вишь, куда нашъ Никонъ залетаеть, хочетъ сдѣлаться всемірнымъ и новымъ папою; восточныя патриаршества утвержены вселенскимъ соборомъ, а онъ, какъ папа, хочетъ утвердиться самъ собою. Это латынство, еретичество. Еще Бѣлая и Малая Русь не наша, а онъ метнулъ уже въ Галицію, да и Нѣмцевъ, и Турецкаго султана полонилъ. Блажной онъ, а не блаженный“. Рече бояринъ Сгрѣшневъ: „Ну ужъ и попъ Берендей“ (многіе такъ звали Никона),

Никита негодяй задалъ намъ таску, заставилъ раскошелиться и царя и бояръ. Царь-то ничего бы, а вотъ бояре-то, унеси ты мое горе, словно полныи объѣлись. Князь Трубецкой какой скаредъ, и тотъ вотчину пожертвовалъ, и Одоевскій, Урусовъ, Лыковъ, Ромодановскій, Шереметевъ. Какія все сдѣлали большія пожертвованія!— „А ты что далъ?“ прервалъ Стрѣшнева Алмазъ. „Я, я“, тяжело вздохнувъ: „Лучшую подмосковную вотчину отдалъ. Кто нынѣ можетъ Никону противное глаголати? Чего онъ сегодня нагородилъ, а царь-то и ротъ раскрылъ, и уши развѣсилъ, точно ему самъ Іоаннъ Златоустъ съ амвона глаголетъ. А Никонъ чему подобно плететь? Патриархи-де всѣ ничего не стоятъ, а вотъ-де папа: тотъ и хорошъ, и уменъ. И сіе-де мѣсто будетъ Новый Римъ, и онъ-де Никонъ будетъ новый папа“.

И тако Никонъ собра многіе мастера и множество рабочихъ, и навозина множество строительныхъ матеріаловъ, быстро нача соиздати Новый Іерусалимъ. Егда же истощи многія сокровища на построение, пріѣха Никонъ къ царю требовати царской казны на окончаніе строенія. Царь посади Никона за трапезу. По окончаніи трапезы, нача Никонъ просити у царя сребра. Рече царь: „Подожди мало; нынѣ казна моя вся истощена на веденіе ратнаго дѣла“. Но Никонъ, не терпящій никакихъ противорѣчій, нача царю дерзости глаголати, рече: „Аще не прикажеша, царю, дати ми нужное серебро, то азъ отряхаю прахъ моихъ ногъ и даю слово никогда не ясти въ сей трапезной“. И тако уѣха Никонъ отъ царя недовольный отказомъ. А царь остася недовольный дерзостью Никона.

И поселися Никонъ жити при Новомъ Іерусалимѣ, въ поставленной имъ высокой башнѣ, названной скитомъ. Нѣкогда пріѣзжаетъ къ Никону его совѣтникъ изъ Чудова монастыря, архимандритъ Павелъ. Рече Павелъ Никону: „Надъ тобою, великій патриархъ, царскій родственникъ, бояринъ Стрѣшневъ, кощунствуетъ; въ присутствіи многихъ бояръ заставилъ свою собаку подражать, какъ патриархъ молится треперстно, и какъ благословляетъ народъ пятиперстно, и патриаршее благословеніе уподоблялъ песьему“. Никонъ отъ гнѣва страшно восклицъ, рече архимандриту: „Поѣзжай скоро въ Москву и объяви, что завтра въ Успенскомъ соборѣ будетъ соборнѣ патриаршее служеніе, и сіе возвѣстити царю и бояромъ“. И на второй день царь съ царицей и дѣтьми, и вси бояре, и множество всякаго народа собрашася въ Успенскій соборъ. Тутъ же пришелъ и бояринъ Симеонъ Стрѣшневъ.

Явился въ соборъ и патриархъ, но былъ онъ весьма блѣденъ и суровъ. Началась служба, и на томъ мѣстѣ, гдѣ провозглашается: „Изыдите оглашенные“, патриархъ вышелъ на амвонъ и нача глаголати негодование великое на боярина Стрѣшнева, и что онъ, по своей архипастырской обязанности, не можетъ его оставить безнаказаннымъ и потому предаеть его проклятію. Когда патриархъ изрекъ сіи рѣчи, протодьяконъ, выйдя посреди церкви, торжественно предалъ боярина Симеона Стрѣшнева проклятію, а любимецъ патриарха, князь Вяземскій, подошелъ къ Стрѣшневу и велѣлъ ему, какъ оглашенному, выйти изъ церкви. Послѣ того служба начала продолжаться. Царь и царица, и вси бояре пришли въ великое смущеніе, понеже злобный Никонъ, и самосудный и коварный, не убоясь ни царя, ни царицы. Царь на Никона зѣло остался гнѣвенъ. А Никонъ нача гордиться, яко бы никакой власти надъ собой онъ признавать не будетъ. Но вскорѣ Никонъ услыше, яко бояре совѣтують царю удалить Никона съ патриаршаго престола, и царь сего не отрицаетъ. Убоясь сего Никонъ, проситъ Татіану Михайловну, царевну, утолить царевъ гнѣвъ противъ него. Татіана же Михайловна призва къ себѣ брата-царя, проситъ на Никона не гвѣватися. „Какъ же, сестрица, на него не гнѣватися? Сдѣлалъ онъ такое великое смущеніе самосудомъ, безъ моего совѣту; меня считаетъ ни во что, всему нашему царскому дому сдѣлалъ онъ позоръ“. Рече царевна: „Да какъ же, братецъ, коли дядюшка Семень дѣлаетъ надъ святѣйшимъ такую издѣвку, ставитъ его на одну доску съ своею собакой“. Рече царь: „Сестрица моя, Татіана Михайловна, нашего своеговольнаго богомольца не одинъ Стрѣшневъ тако именуеть; протопопъ Аввакумъ въ своихъ ко мнѣ челобитныхъ именуеть его и псомъ, и волкомъ, и звѣремъ за премѣненіе нашихъ отеческихъ, древнихъ святыхъ книгъ и уставовъ“. Рече царевна: „Неужели и ты, братецъ, сумнѣваешься въ добрыхъ намѣреніяхъ нашего святѣйшаго?“ Рече царь: „Скажу тебѣ, сестрица, правду: не токмо сумнѣваюся, но и зѣло самъ себя осуждаю. Не слѣдовало бы мнѣ давать Никону такого своеволия на истребленіе всѣхъ древнихъ уставовъ и на введеніе новыхъ; но онъ, не видя отъ мене никакого противорѣчія, и до сего времени стремится искоренять всѣ древніе обычаи. Этакъ онъ и меня, и весь мой домъ скоро проклянетъ. Новый свой Іерусалимъ уже именуеть и Новымъ Римомъ и хочеть себя нарещи новымъ папою. Нужно, сестрица, пока время есть и пока злое его намѣреніе не осуществится, и пока онъ не забереть въ свои желѣзныя руки и духовной и свѣтской власти, тогда ему излишнѣ будетъ существованіе и дома Романовыхъ. Посему и тебѣ, сестрица, совѣтую не дѣлать поблажки Никону: а я имѣю твердое намѣреніе ограничить своеволие патриарху“,

Царевна паде ниць предъ брата-царя, со слезами прося простить Никона; но царь поиде изъ терема, остави сестру плачущу.

Послѣ сего Татьяна Михайловна передала, хотя быти можетъ и не всѣ, рѣчи брата-царя Никону и повѣдала негодованіе цареву. И нача Никонъ умышляти, како бы примиритися съ царемъ, и узна Никонъ, яко вскорѣ ѣдетъ въ Москву въ гости царевичъ Грузинскій Теймуразъ, и будетъ его чествовать царь; и необходимо царь долженъ будетъ пригласить патріарха при царевичѣ за трапезу. И нача Никонъ приготавливати для встрѣчи и торжества, приготавливатися и въ патріаршихъ палатахъ и въ Успенскомъ соборѣ. Рече своимъ приближеннымъ Никонъ, яко стрѣтимъ первѣе царевича въ Успенскомъ соборѣ и, по совершеніи мною молебна, царь поведетъ царевича и мене за трапезу въ царскія палаты, а потомъ и я приглашу въ свои патріаршія палаты царевича и царя и представлю имъ свою трапезу. И мняше, яко съ царемъ улажу и примирюся, и сотворю попрежнему послушна себѣ.

Въ тоже время въ царскихъ палатахъ былъ иной совѣтъ. Царь призва къ себѣ въ палаты боярина Богдана Матвѣевича Хитрово. рече: „Дня черезъ два пріѣдетъ къ намъ гость Грузинскій царевичъ, и нужно учинить подобающую торжественную встрѣчу; и я возлагаю сіе, Богданъ Матвѣевичъ, на твое распоряженіе. Но дѣло есть иное: патріархъ готовится тоже ко встрѣчѣ царевича и хочетъ его первѣе въ Успенскій соборъ принять и ему тамъ сказать своеумышленную похвальную рѣчь, а потомъ торжественно идти съ царевичемъ въ мои палаты. А у меня патріархъ недавно отряхаль прахъ отъ своихъ ногъ не быти въ моей столовой. Да, пожалуй, онъ при видѣ Стрѣшнева учинить и еще какую нелѣпость и которая можетъ быти вѣдома во многихъ государствахъ. А ты, Богданъ Матвѣевичъ, оборудуй такъ, чтобы нашъ строптивый богомолецъ остался въ своемъ углу. Отъ моей столовой онъ самъ отказался. ну и пуцай; онъ осерчаетъ, я знаю. да люди, говорятъ, на сердитыхъ коняхъ воду возять, ну и онъ повезетъ, а царской столовой ему не видать, да и новымъ папою на бывать“. Рече Богданъ: „Я, государь, слышалъ, что нашъ патріархъ хочетъ учествовать царевича и хочетъ къ своему титулу прибавить „и Грузинскій“. Рече царь: „Я знаю: у него губа не дура; чтò день, то и титуль. Но, кажется, его мнѣніе разсыплется въ прахъ, и вмѣсто мечтательнаго всемірнаго папы быть ему простымъ мнихомъ Никономъ. И ты, Богданъ, встрѣтъ царевича подь Москвою, у Краснаго крыльца встрѣтятъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ и Илья Даниловичъ Милославскій, въ сѣняхъ—Семень

Лукичъ Стрѣшневъ, а въ передней—я. Такъ и запиши все въ разрядъ. Царевичъ-то ѣдетъ не къ патриарху на богомолие, а ко мнѣ въ гости; ну и ведите прямо ко мнѣ въ палаты“.

И тако отпусти боярина. Наступи день встрѣчи царевича. Возвѣстиша Никону, что царевичъ приближается къ Москвѣ. Приказа Никонъ ударити сборъ въ Успенскій соборъ, и со всей Москвы стало съѣзжаться духовенство съ пѣвчими; скоро прибылъ туда и самъ Никонъ со всѣмъ своимъ обширнымъ дворомъ, и облачился въ свои драгоценныя ризы: златотканныя, убранныя драгоценными каменіями и вѣсили шесть пудовъ, и надѣлъ свою митру. И былъ въ семь облаченій величественъ и гордъ, и тщеславенъ. И возвѣстиша Никону, яко приближается царевичъ. И Никонъ со всѣмъ духовенствомъ, предшествуемый архидіакономъ съ крестомъ, идетъ въ церковную паперть, чтобы встрѣтить тамъ царевича. Площадь была залита народомъ. И видитъ Никонъ, что царевича поѣздъ, направляемый боярами, ѣдетъ прямо къ царскимъ палатамъ и не сворачиваетъ къ собору. Никонъ посылаетъ князя Вяземскаго направить поѣздъ къ Успенскому собору. Князь стремится наперерѣзъ и начинаетъ сворачивать ѣдущихъ къ собору. Стрѣшневъ къ Хитрово: „бей его и позоръ; онъ и дядю моего вывелъ изъ церкви“. Хитрово имѣлъ въ рукахъ палицу для очищенія народа, поднялъ ее и ударилъ князя. „Не дерись, Богданъ, я посланъ патриархомъ; ведите царевича въ церковь“. Рече Богданъ: „Экъ чванишься, патриаршій человекъ! Да я тебя! Прочь!“ Съ этими словами онъ ударилъ князя палкой по лбу. Съ окровавленнымъ лицомъ князь побѣжалъ обратно въ соборъ. Никонъ понялъ свое униженіе, разоблачился, распусти духовенство и уѣха въ свою палату; и по горячности своей немедля написалъ царю жалобу, посла царю съ однимъ изъ своихъ бояръ. Царь отвѣчалъ, общая учинить сыскъ и общался съ нимъ видѣтися лично. И такъ Никонъ прождалъ много недѣль. Царь къ нему не являлся, къ себѣ его не приглашалъ, и никакого сыску царь не учинилъ, и бояринъ Хитрово, прибывшій Никонова слугу, всегда находится первый у царя. И такъ Никонъ дожидается праздника Божія Матери 8 Іюля Казанской Пресвятѣй Богородицѣ, гдѣ царь непременно долженъ быть, и онъ, патриархъ, будетъ въ Казанскомъ соборѣ служить, и пойдетъ съ царемъ крестнымъ ходомъ, и тогда учинить съ нимъ примиреніе. Но и тутъ мечты Никона не сбылись: царь въ соборъ и участвовать при крестномъ ходѣ не пріѣхалъ. А патриархъ по древнему обычаю долженъ былъ идти къ царю съ поздравленіемъ, но Никонъ по своей гордости этого не сдѣлалъ и тѣмъ древній обычай нарушилъ, и тѣмъ царя прогнѣвилъ,

И царь созва къ себѣ боярь, предложилъ имъ вопросъ, какъ унять строптивость Никона, чтобы онъ не именовался и не писался великимъ государемъ. „Я ему это наименованіе давалъ только на время, когда я находился на ратномъ дѣлѣ и ему бы тогда именоватися тако во отсутствіи моемъ. А онъ и донинѣ тако пишется въ своихъ бумагахъ и меня не слушаетъ“. И разсудиша послати къ патріарху въ палаты князя Юрія Ромодановскаго съ царскимъ повелѣніемъ, чтобы впредь патріарху не именоватися и не писатися великимъ государемъ. И тако явился къ Никону Ромодановскій и объяви сіе повелѣніе царево. И Никонъ, это приказаніе услыша, затрепеталъ отъ гнѣва, рече: „Да развѣ я тако именуюсь не со изволенія царева?“ Прервалъ его князь: „Соизволеніе то на время, а нынѣ государь у насъ одинъ—царь Алексій Михайловичъ; а ты впредь не пишися и не гнѣви царя“. Съ этими словами князь удалился. По удаленіи князя, Никонъ громко зашумѣлъ: „Онъ воспрещаетъ миѣ именоватися государемъ, то пуцай онъ меня этимъ и не почитаетъ. Но какъ патріарха онъ меня долженъ почитать, къ тому же я патріархъ не токмо Великія, но и Малыя и Бѣлыя Руси. А эти страны, пока нѣтъ мира, еще считаются за Польской короной; могу я отказаться отъ Московскаго патріаршества, но я останусь патріархомъ Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ. Пойду въ соборъ и сложу съ себя Московское патріаршество“. И съ великимъ негодованіемъ за свое уничтоженіе и за обиды поиде въ соборъ служить обѣдню 10-го Іюля, въ день пренесенія ризы Господней въ Москву. Нача служить и послѣ причащенія повелѣлъ ключарю изъ церкви никого не выпускать: будетъ-де народу патріаршее поученіе. Пропѣли: „Буди имя Господне“; вышелъ патріархъ на амвонъ во всемъ облаченіи, нача глаголати взволнованнымъ гласомъ: „Лѣнивъ я былъ васъ учить и отъ лѣни я окрастовѣлъ, и вы всё отъ меня окрастовѣли. За исправленіе мною иконъ по Греческимъ образцамъ называли вы меня иконоборцемъ, за исправленіе и препечатаніе мною книгъ называли вы меня еретикомъ. Я вамъ дѣлалъ поученіе, что я исправляю по совѣту вселенскихъ патріарховъ, а вы въ окаменѣніи сердець своихъ хотѣли меня каменіемъ побить. И все сіе дѣлается ради моихъ грѣховъ. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ: если же помыслию быть патріархомъ, то буду я анаеема“. И нача снимать съ себя святительскія ризы, надѣлъ мнишеское платье.

Между симъ государю донесли, что патріархъ изрекъ на себя анаемеу и удаляется съ престола патріаршаго. Посылаетъ царь въ соборъ князя Алексѣя Трубецкаго, рече: „Иди, скажи Никону, почему онъ оставляетъ престолъ, никѣмъ не гонимъ“. Трубецкой спѣшитъ въ

соборъ, просить благословенія патриаршаго. „Прошло мое благословеніе“, сказалъ Никонъ: „недостойнъ я быть въ патриархахъ“. Рече Трубецкой: „Царь тебя не гонить, и ты объясни царю, почему оставляешь престолъ“. Подавая Никонъ малое письмецо: „Отнеси, князь, сіе государю и проси царское величество дать мнѣ келію“. Князь удался, передалъ царю письмо и рѣчи Никона. Но царь письма Никона не принялъ, говоря: „Отнеси, княже, письмо обратно Никону и скажи отъ моего имени, чтобы патриаршества не оставлялъ“, что князь и передалъ Никону. Никонъ злобно сказалъ: „Царь и письма моего не хочетъ читать, и я своего слова не перемѣню; да и давно у меня есть обѣщаніе патриархомъ не быть“. Сказавъ сіе Никонъ, поклонился боярину и вышелъ изъ церкви. Пойде пѣшъ, понеже народъ ѣхати не пусти. Но и Спасскіе ворота оказались запертыми, и Никонъ сѣлъ въ углубленіи воротъ. Но ворота скоро приказано было отпереть и пропустить Никона. И поиде Никонъ на свое Новоіерусалимское подворіе, и тщетно тамъ ожидалъ отъ царя какаго-либо сожалѣнія и извѣстія, но, увы, никто объ немъ не сожалѣлъ, и никто ему ничего не писалъ. И въ великомъ смущеніи и негодованіи поѣхалъ въ свой Новый Іерусалимъ.

На третій день послѣ отъѣзда Никона царь послалъ къ нему боярина Трубецкого, который спросилъ Никона, почему онъ такъ скоро покинулъ Москву, безъ совѣта государя и не подавъ ему благословенія и его семейству; никого не оставилъ вмѣсто себя блюсти патриаршій престолъ. Рече Никонъ съ кротостію: „Скажи великому государю, царицѣ и дѣтемъ царевымъ, чтобы меня простили, и я имъ мое благословеніе посылаю, и ихъ прощаю, и кто будетъ патриархомъ, того благословляю. А поѣхалъ я скоро изъ Москвы, постигла меня болѣзнь, а впередъ я патриархомъ быть не хочу, а если захочу, то будь я анаѣма“.

Спустя нѣсколько дней, приказалъ царь арестовать все оставшее въ патриаршихъ палатахъ Никоново имѣніе и всѣ бумаги Никона: найдены были и письма къ Никону царя, царицы и царевень. Всѣ цѣнныя вещи и всѣ отписанныя вотчины Новому Іерусалиму государь приказалъ отписать въ государеву казну, и приказалъ быть у Нового Іерусалима стражѣ и никого съ Москвы не пущать.

По удаленіи Никона царь приказалъ блюсти патриаршій престолъ Крутицкому митрополиту Питириму. Пришелъ праздникъ Вербное Во-

скресеиіе, и царь разрѣшилъ Питириму, на мѣсто патріарха, хожденіе на осляти, во образъ шествія Христа во Іерусалимъ. Никонъ, услыша это, написа царю укорительное письмо, что кромѣ патріарха никто не можетъ дѣлать хожденія на осляти. Поэтому царь и бояре послали къ Никону думнаго дворянина Елизарова и дьяка Алмаза, чтобы возвратить Никону, какъ своевольно съ клятвою отказавшемуся отъ патріаршества, впредь не вступаться ни въ какія распоряженія и ничего не писать и не судить.

По прїѣздѣ къ Никону Елизаровъ нача ему выговаривать: „Ты-де отказался отъ патріаршества и писать тебѣ о Крутицкомъ митрополитѣ не довелось“. Рече Никонъ: „Престоль я оставилъ волей, но имени патріаршескаго я не отрицалъ, а только не хочу называться Московскимъ“. Рече Елизаровъ: „Впредь ты царю никакихъ распоряженій не пиши. Ты патріаршество оставилъ“. Съ гнѣвомъ Никонъ рече: „Я волею оставилъ свою паству, а поученіе объ истинѣ не оставилъ и впредь о исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не буду“. Сими словеса закончилъ Никонъ съ посланнымъ бесѣду. Елизаровъ и дьякъ Алмазъ объявиша царю и бояромъ, что у Никона мнѣніе такое, что хотя будетъ и новый патріархъ избранъ, и тогда Никонъ оставляетъ за собой право выспаго наблюденія церковію и молчать не хочетъ. Черезъ сіе и усовѣтоваша царь и бояре лишить Никона архіерейскаго сана.

Но исполненіе сего намѣренія осуществится вскорѣ не могло, по случаю ратнаго дѣла въ 1670 г. Въ Малороссіи князя Алексія Никитича Трубецкаго Крымскій ханъ Калга и Малороссійскій гетманъ Выговскій разбили на-голову. Полегло при рѣкѣ Сосновкѣ нашего войска около тридцати тысящъ, и ханъ съ гетманомъ грозили Москвѣ. А какъ Никонъ ранѣе возвѣщалъ, что онъ оставляетъ только Московское патріаршество, и онъ остается патріархомъ Малороссіи и Бѣлоруссіи: поэтому царь и бояре его весьма подозрѣвали, чтобы не уѣхалъ онъ тайно въ Малороссію и не утвердилъ бы тамъ своего новаго патріаршаго или папскаго престола, или же не сдѣлалъ бы сношенія съ Выговскимъ, чтобы взять Новый Іерусалимъ, и его подъ видомъ плѣнника увезти въ Малороссію, и окончательно Никонъ смутить Русскую церковь. Поэтому царь и бояре послали къ Никону боярина единаго съ вѣжливымъ предложеніемъ: просятъ его на совѣтъ, не пожелаетъ ли онъ возвратиться на патріаршій престоль или избрать на мѣсто себя кого въ преемники. У Никона вспыхнула прежняя гордость и возоб-

новились мечты примириться съ царемъ и быть снова патріархомъ Россіи. Никонъ радостный наскорѣ собрался и поѣхалъ въ Москву, пріѣхалъ на свое Новоіерусалимское подворье. Но царица и царевны стали зѣло докучать государю, чтобы принялъ царь Никона въ палаты, гдѣ бы онѣ получили отъ него благословеніе. Царь нехотя, но согласился принять Никона въ свои палаты.

Послали къ Никону дьяка Алмаза сказать, якобы царь приглашаетъ патріарха въ свои палаты. Пріѣхавъ Никонъ къ царю, гдѣ ожидали его царица и царевны: прежній гордый Никонъ былъ кротокъ, обходительный и ласковъ; преподалъ всему царскому дому свое благословеніе и сказалъ, что онъ неуспѣшно молился за весь царскій домъ въ Новомъ Іерусалимѣ. Но Никона мечты не сбылись: царь не предлагалъ Никону ѣхать въ патріаршія палаты и оставаться патріархомъ. Бесѣда кончилась, и патріарху предложили пока пребывать въ Новоіерусалимскомъ подворіи, куда и свезли. Писалъ Никонъ къ царю прислать ему святительское облаченіе, но на это ему ничего не отвѣтили. И чтобы Никонъ не дѣлалъ въ народѣ крамолы, царь далъ приказъ отправить Никона въ его Крестный монастырь на Бѣлое море и держать подъ стражей, куда и свезоша Никона*).

По прошествіи же нѣкотораго времени, когда Крымскій ханъ удалился изъ Россіи, было Никону разрѣшено возвратиться въ свой Новый Іерусалимъ. И Никонъ узнаетъ, что царь и боярская дума изыскиваютъ средства, како бы Никона лишить патріаршаго сана. А когда же Никонъ по своей гордости сталъ не покоряться Государю и въ горячности отрекся отъ патріаршаго престола и уѣхалъ въ Новый Іерусалимъ, и когда въ патріаршихъ палатахъ имѣніе Никоново и дарственные земли Новому Іерусалиму были отписаны въ государеву казну, тогда онъ Никонъ по совѣту съ Татьяной Михайловной, проницательную свою жену, инокиню Наталію (даша ей довольно злата) посла въ Малороссію и Бѣлороссію склонять вельможъ и духовенство на учрежденіе въ Кіевѣ новаго патріаршества. И инокиня Наталія уѣхала тогда въ Малороссію, и въ теченіе этого времени хитрая сія жена имѣла все свое стараніе и домогательства къ принятію Никона. Жила у гетмана Богдана Хмельницкаго и сумѣла своею проницательностью уговорить гетмана и все панство и духовенство къ принятію Никона патріарха и къ возведенію его на Кіевскій новый патріаршій престолъ.

*) См. Челобитныя Никону съ его рѣшеніями въ „Р. Архивѣ“ 1894 (I, 289). П. Б.

И все сіе время инокиня Наталія жила у гетмана Хмельницкаго, который при ней и померъ. А теперь пріѣхала отъ Юрія Хмельницкаго съ тайными послами увезти Никона тайно изъ Новаго Іерусалима.

Явилась она къ Никону и объявила ему, что вся Малороссія ждетъ Никона и приметъ съ великою честію, какъ патріарха, и дастъ ему въ руки всѣ распоряженія странною. Хотя Никонъ съ нетерпѣніемъ сего ожидалъ, но нѣсколько призадумался, сказалъ: „Нужно посовѣтоваться съ царевною Татьяной Михайловной“. Наталія сказала: „Я сейчасъ къ царевнѣ ѣду и надѣюсь, что и она съ нами согласна будетъ бѣжать въ прекрасную Малороссію“. Обрадованный Никонъ поцѣловалъ свою жену и сказалъ: „Поѣзжай, моя сотрудница, скорѣе, и какой будетъ совѣтъ царевны, мнѣ немедленно повѣдайте“. И сія хитрая жена на-скоро пріѣхала въ Москву, явилась прямо въ теремъ къ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ. Та несказанно ей обрадовалась и упрекала ее, что долго не шлетъ вѣсти. И сказала про Московскія дѣла, что царь и боярская дума рѣшили Никона низложить, а потомъ куда-нибудь сослать въ заточеніе, и спросила, какого мнѣнія Малороссія объ Никонѣ. Наталія сказала, что вся Малороссія Никона ждетъ-не дождется и приметъ его съ великою честію, какъ великаго патріарха, и желаетъ провозгласить его новымъ папою; что на-дняхъ ѣдутъ сюда изъ Конотопа семь козаковъ на добрыхъ конѣхъ, и у нихъ есть охранные листы; пріѣдутъ они на этихъ дняхъ въ Новый Іерусалимъ, подъ видомъ поступить въ монастырь, и Никона, подъ видомъ казака, верхомъ умчатъ въ Малороссію, только бы это скрыть, хотя дня на три, отъ царя и бояръ, чтобы не догнали Никона. Татьяна Михайловна сему вельми обрадовалась и спросила у Наталіи, какъ Никонъ принялъ это извѣстіе? Наталія сказала, что Никонъ рѣшиться на это не можетъ безъ твоего, великая царевна, соизволенія. Царевна вскочила съ мѣста, сказала: „Безъ моего... я, я сейчасъ же ѣду къ Никону“... Инокиня сказала: „Великая царевна, какъ ты выѣдешь? Тебя могутъ замѣтить и, сохрани Боже, узнаютъ, что ты поѣхала въ Новый Іерусалимъ“. Царевна сказала: „Я сама знаю, что за мной и Никономъ много глазъ, но и я умѣю себя хранить. Есть у меня, хранится не одно, одѣяніе мнишеское черное монастырскихъ послушницъ. Я вмѣстѣ съ своей вѣрной слугою одѣнемся во мнишеское одѣяніе и прикроемъ часть своихъ лицъ, и тако выйдемъ, и никто насъ не замѣтитъ. А ты, мать Наталія, останься въ моихъ палатахъ, а кто ко мнѣ придетъ, ты всѣмъ скажешь, что я нахожусь нездорова и принимать никого не хочу“. — „Нѣтъ, царевна“, сказала Наталія: „я тебя одной не пуцую, а я съ тобой поѣду кучеромъ. Тамъ тоже есть стража. Никонъ сказалъ: „ежели

царевна поѣдетъ, то ѣхали бы вмѣстѣ“, и Никонъ показалъ мнѣ тайные пути, гдѣ можемъ пройти ночью, никѣмъ незамѣчены“. (Царевна отворотилась отъ Наталіи и сказала: „Эти тайные пути мнѣ, матушка, тоже извѣстны“). Потомъ сказала царевна: „Это будетъ и лучше, ѣдемъ вмѣстѣ“, и царевна сдѣлала распоряженіе съ прислугою. И вскорѣ изъ терема выходили двѣ инокини, никѣмъ не узнаваемы, а потомъ уже ѣхали на могучихъ конѣхъ; и чрезъ нѣсколько часовъ спутницы были подлѣ Новаго Іерусалима. Время было полночь. Наталія остановила лошадей, рассказала царевнѣ, якобы незнаемую узкую дорожку, велѣла идти прямо подъ Маврійскій дубъ, а сама осталась съ конями. Приходитъ царевна къ дубу, видитъ въ темнотѣ ночи сидящаго великаго человѣка.

Сидя Никонъ подъ дубомъ и видитъ приближающагося къ нему человѣка, и узнаетъ прекрасную царевну Татьяну Михайловну, въ черномъ мнѣшескомъ платіи; встаетъ и беретъ въ объятія царевну, говоритъ: „Жаль тебя, прекрасная царевна, какъ бы не узнали твоего отъѣзда, кругомъ за мной слѣдятъ шиши и сыщики“. — „Не бойся, святѣйшій, сѣстры мои скроютъ мой отъѣздъ. Я пріѣхала сюда съ мамой-Натей; она осталась у коней; мы по дорогѣ сказывали, что ѣдемъ Богу молиться въ Макарьевскій монастырь“. И сѣдше на бесѣду подъ дубомъ, царевна говоритъ: „Я слышала отъ мамы-Нати, что тебя въ Кіевѣ приглашаютъ въ патриархи, я и пріѣхала тебя просить; бѣги туда скорѣе, а то здѣсь тебя соборомъ низложатъ, а потомъ сошлютъ въ заточеніе, а то и пытки зададутъ. А тамъ въ Кіевѣ ты будешь въ почетѣ и въ могуществѣ, да и друзья твои пріѣдутъ туда“. — „Да, кто жь послѣдуетъ за изгнанникомъ?“ — „Кто? А мама-Натя и я?“ сказала царевна. „Да какъ же это?“ — „А такъ: убѣгу, и убѣгу, и слѣдъ простынетъ. Ни одна застава не задержитъ меня; одѣнусь въ мужскую одежду и проберусь“. — „Великая царевна! Чтò говоришь: ты, сестра царя-самодержца, и послѣдуешь за мною, опозореннымъ бѣглецомъ!“ Рече царевна: „Поѣзжай немедля въ Кіевъ, ты тамъ будешь въ могуществѣ и славѣ. И будутъ трепетать отъ тебя всѣ твои враги, да и царь жестоко споаεται. Умоляю тебя, не медли, бѣжи“. Никонъ обнялъ царевну и поцѣловалъ, сказалъ: „Ѳду, Ѳду, царевна прекрасная, перестань плакать: выѣду завтра ночью, нынѣ ночи темныя“. Рече царевна: „Такъ ты, святѣйшій, даешь мнѣ вѣрное слово, что поѣдешь?“ — „Даю, даю“, сказалъ Никонъ: „а ты, царевна, пріѣдешь туда?“ — „Отъ меня слова нечего брать, я найду тебя, хотя на краю свѣта; лишь бы тебѣ благополучно удалось уѣхать въ Кіевъ“. И тако царевна и Никонъ

въ надеждѣ разсташася. И царевну мама-Натя проводила въ Москву, такъ царевна звала инокиню Наталію.

Назавтрея Никонъ объявилъ своимъ домочадцамъ, въ великой тайнѣ, что въ слѣдующую ночь онъ выѣдетъ въ путь съ ними на семи казачьихъ лошадяхъ верхами, и чтобы монастырской братіи сіе не было извѣстно. „А поѣдете со мной: Ольшевскій, Денисовъ, Кузьма-кузнецъ и Михайло, а Жидамъ и слесарю не повѣдайте. А коней у насъ казачьихъ семь, а насъ шестеро, то на седьмую положимъ вьюкъ съ моими одеждами“. Дождались ночи. Никонъ сбросилъ съ себя подрясникъ и рясу, волосы на головѣ перевязалъ, надѣлъ большую казачью шапку и все казачье платье, сдѣлался неузнаваемъ, казачьимъ атаманомъ. Лошадей по одиночкѣ вывели за ограду, и сами бережно вышли, сѣли на коней и помчались. Впереди поѣхалъ самъ Никонъ.

На другой день говорили два Жиды, Гершко и Моршко. „Заспались сегодня всѣ“, сказалъ Гершко. — „Какое заспались“, усмѣхнулся Моршко: „они всѣ тю-тю. Проснулся я ночью, и вижу—вышелъ и самъ патріархъ, какъ разбойникъ, въ казачьемъ, сабля и пистолеть у пояса, и самъ-шестой, всѣ казаками“. „Ой, вей, миръ“, завопилъ Гершко: „получалъ я по десять карбованцевъ въ мѣсяць; я былъ шишомъ за патріархомъ, а его проспалъ, и не знаю, куда уѣхалъ; што штану робить?“ — „И я бувъ тоже шишомъ архимандрита Павла. Поѣдемъ скорѣе, возвѣстимъ въ Москвѣ великому государю, что Никонъ тю-тю“. И скоро поѣхаша Жидове и возвѣстиша царю, что Никонъ тайно выѣхалъ на казачьихъ конѣхъ, въ казачьей одеждѣ и вооруженъ.

Царь приказалъ Жидамъ молчать и ѣхать обратно, а самъ послалъ за окольничимъ бояриномъ Богданомъ и приказалъ ему немедленно отправиться со стрѣльцами въ погоню за Никономъ, да и еще двумъ боярамъ приказалъ ѣхать, и всѣмъ по разнымъ путямъ. И Богданъ скоро палъ на слѣды Никона, и взялъ его въ одной деревнѣ на ночлегъ, осадилъ стрѣльцами домъ. И Никонъ просилъ боярина пустить его до Кіева; но, бояринъ, по указу государеву, привезъ Никона обратно въ Новый Іерусалимъ и усилилъ надъ нимъ стражу.

И Никонъ окончательно на царя и на бояръ разсвирѣпѣлъ за то, что отнялъ царь жалованныя для Іерусалима вотчины, сталъ въ своемъ Іерусалимѣ на ектеніяхъ вмѣсто молитвъ за царя читать слѣ-

дуюція слова изъ псалмовъ Давида, сиче: „да будутъ дніе его мали, да будутъ сынове его сиры и жена его вдова, и приложитъ Господь злославнымъ земли“, что донесено было царю. И царь собралъ соборъ, духовенство и боярь, и рѣшили послать къ Никону Газскаго митрополита Паисія Лигарида, Грека, Іоасафа архимандрита, князя Одоевского, Стрѣшнева и Алмаза Иванова сыскать сіе дѣло и допросить самаго Никона. Послы явились къ Никону, но Никонъ митрополита Паисія обозвалъ воромъ, нехристю и смутительной собакою и прочихъ всѣхъ обозвалъ Жидами, якобы пришедшими на Христа. А на допросахъ монастырской братіи, которые показали, что Никонъ говорилъ тако на ектеніяхъ, а другіе, любители Никона, скрыли. И послы остались въ гостинномъ дворѣ для допроса на завтрея остальной братіи. Никонъ, убоясь, яко его возьмутъ подъ стражу, собралъ своихъ домоладцевъ и объявилъ, что на завтрея никого отъ пословъ къ патриарху въ покои не впускать, а кто придетъ или спроситъ, говорить всѣмъ, что патриархъ боленъ. И Никонъ ночью взя съ собой двухъ своихъ слугъ, Поляка Ольшевскаго и Нѣмца Далматова, мужественныхъ, и всѣ одѣлись въ крестьянское платье и тайно ночью вышли изъ монастыря. Никонъ и еще возымѣлъ намѣреніе бѣжать въ Кіевъ. Взяша съ собою, скрѣпя подъ одежды, мечи и пистолеты. Слѣдившіе за Никонъ узнали тоя же ночи, еще до свѣту. Еврей Моршко прибѣжалъ въ гостинную, разбудилъ пословъ, заревѣлъ князю Одоевскому: „патриархъ тю-тю. бѣжавъ“. Одоевскій, Стрѣшневъ, Алмазъ въ однихъ рубахахъ, святители въ однихъ подрясникахъ побѣжали къ скиту, тамъ никого не было; стали допрашивать всѣхъ въ монастырѣ, и никто не знаетъ.

Тогда сказалъ князь Одоевскій къ Стрѣшневу: „Возьми стрѣльцовъ и поѣзжай на Кіевскій путь, а мы съ Алмазомъ и со стрѣльцами поѣдемъ на Смоленскій. Нужно догнать бѣглеца“. И тутъ же поѣхали. Стрѣшневъ выѣхалъ въ село въ 15 верстахъ, принадлежащее боярину Сытину, и тутъ же узналъ, что Никонъ скрывается въ одномъ домѣ. Стрѣшневъ остановился у боярина Сытина: Никона не рѣшился взять днемъ, понеже было стрѣльцовъ при немъ мало, и боялся, что Никонъ кликнетъ по селу, и сельчане не возстали бы за Никона, а рѣшился взять Никона на пути, когда выйдетъ изъ села, и поставилъ тайную стражу къ тому дому, гдѣ скрылся Никонъ. Наступила слѣдующая ночь. Никонъ со спутниками вышелъ и отправился въ путь. Стража объявила Стрѣшневу, и онъ поѣхалъ сзади, скрываясь отъ Никона. Когда на довольномъ разстояніи отъ села, Стрѣшневъ сталъ нагонять Никона, то Никонъ замѣтилъ и бросился съ товарищами

въ сторону съ дороги. Стрѣшневь вскричалъ: „Стой, не уйдешь!“ и тутъ же налетѣли на нихъ стрѣльцы. Товарищи Никона вооружились мечами. Ольшевскій кричить: „Не подѣзжайте близко, всѣхъ изрублю! Альбо то можно, за патріархомъ погоня?“ Стрѣшневь сказалъ Никону: „Я по указу государеву“.—„Лжешь, щенокъ, не можетъ быть никакого указа“. У Стрѣшнева былъ тотъ указъ, съ которымъ ѣздилъ въ первую погоню за Никономъ, и подъ тотъ указъ царь подписался. Никонъ посмотрѣлъ и закричалъ: „Покоя мнѣ не даютъ! Да вы всѣ хуже Жидовъ, хуже Продоваго гоненія; тамъ Христа гоняли изъ града въ градъ, но не преслѣдовали. Хочу уйдти отъ зла, вы меня измаяли; хочу уйдти въ Кіевъ, оставилъ вамъ все, уношу одно свое грѣшное тѣло, и того вамъ жаль. Отпустите меня изъ вашего смрада и вашего зла. Я съ вами обратно не поѣду“. Стрѣшневь сказалъ: „Если не послушаешься, по указу царя, возьму силою“.—„Убью“, кричалъ Ольшевскій. Но Никонъ запретилъ своимъ слугамъ дѣйствовать оружіемъ. Стрѣшневу сказалъ: „Поглядимъ, какъ у тебя станеть дерзновенія брать силой патріарха“. Стрѣшневь вскричалъ стрѣльцамъ: „бери, бери!“ Стрѣльцы схватили Никона, потащили и посадили въ коляску, и Стрѣшневь хотѣлъ къ нему сѣсть, но Никонъ вскричалъ: „Не смѣй къ патріарху садиться, выброшу какъ щенка“. Также и Никоновыхъ слугъ взяли и привезли обратно въ Новый Иерусалимъ.

Одоевскій и Алмазь узнали о поимкѣ Никона, вернулись въ Новый Иерусалимъ. И послы остались на нѣколико дней, и въ воскресный день Никонъ служилъ въ придѣлѣ Распятія Христова, читалъ кресту Евангеліе, гдѣ говорится: „Иродъ и Пилать явишася въ судъ, и быша архіереи Анна и Каіафа“. И Никонъ толковалъ сіе событіе народу и примѣнялъ его къ своимъ гоненіямъ, рече: „есть и на меня такіе же мучители Иродъ и Пилать, Анна и Каіафа“. А при отѣздѣ пословъ Никонъ сказалъ: „Вы желаете вселенскаго собора, я этого не боюсь. А на соборѣ я не только васъ, но и самого Государя отлучу отъ христіанства; уже у меня и грамота заготовлена“. На это послы сказали: „Ты самъ еретикъ. Почему ты прислалъ Паисію выписку изъ Сардійскаго собора, гдѣ похваляется папа?“ Рече Никонъ: „Почему папу за добраго и не почитать? Тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, и папа ихній слуга“.—„Но вѣдь папу на соборахъ проклинаемъ“, сказали послы. Рече Никонъ: „Мало ли кто кого не за правду проклинаеть?“ Затѣмъ спросили Никона послы: „Зачѣмъ ты ввелъ въ міръ великій соблазнъ и церковное смущеніе: напечатавъ три служебника въ разныя времена, и во всѣхъ трехъ великія несогласія, чѣмъ окончательно развратилъ и смутилъ всю церковь“. Никонъ сказалъ:

„Я перемѣнялъ не самъ собой, а по свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ“.

Затѣмъ послы уѣхали въ Москву, передали все случившееся при нихъ государю, и царь окончательно рѣшился призвать вселенскихъ патріарховъ и низложить гордеца, лишить святительскаго сана. И тогда же посла царь челобитную восточнымъ патріархомъ, прося ихъ прибыти въ Москву, для весьма нужныхъ дѣлъ.

Спустя послѣ сего нѣсколько времени, въ ночь на 14 Декабря, во время утрени, подъѣхало къ Московской заставѣ нѣсколько саней. „Кто ѣдетъ?“ спросили сторожа.—„Власти Саввинскаго монастыря“, былъ отвѣтъ, и ѣдущіе направились въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ шла заутреня; служилъ Ростовскій митрополитъ Іона. Читалась канонизма. Отворяется дверь собора, входитъ толпа мниховъ, за ними несутъ крестъ, а за крестомъ идетъ гордо патріархъ. „Перестань читать“, повелительно произнесъ Никонъ къ чтецу иподіакону. Никоновы мнихи запѣли: „Исполла эти деспота“ и „Достойно есть“. Подозвалъ Никонъ къ себѣ подъ благословеніе митрополита, а за нимъ пошло все духовенство. „Поди“, сказалъ Никонъ митрополиту: „возвѣсти великому государю о моемъ пріѣздѣ“. Митрополитъ пошелъ съ ключаремъ Іовомъ. Они нашли царя у заутрени въ церкви святой Евдокіи. „Въ соборную церковь пріѣхалъ патріархъ Никонъ и сталъ на патріаршемъ мѣстѣ и послалъ меня возвѣстить тебѣ царю“, сказалъ Іона. Царь отправился во дворецъ и наскорѣ приказалъ собратися бояромъ и духовнымъ лицамъ. Было еще до розсвѣта. Всѣ наскорѣ собрались и недоумѣвали, что съ Никономъ дѣлать. Царь велѣлъ бояромъ идти въ соборъ и сказать Никону, чтобы немедленно ѣхать обратно въ Новый Іерусалимъ. Бояре пришли въ соборъ, сказали Никону: „Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, съ клятвой, обѣщавшись впредъ патріархомъ не быть, уѣхалъ жить въ монастырь, и объ этомъ у государя написано ко вселенскимъ патріархамъ. А ты теперь для чего въ Москву пріѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ совѣта освященнаго собора? Поиди обратно въ монастырь: это тебѣ государевъ указъ“. Рече Никонъ: „Шелъ я съ престола никѣмъ негонимъ, а нынѣ я пришелъ обратно для того, чтобы учинить миръ: и суда вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю“. И тутъ Никонъ передалъ боярамъ письмо: „Отнесите сейчасъ государю письмо“. Послали государю. И отъ государя возвратились съ отвѣтомъ и объявили Никону, что великій государь приказалъ тебѣ объявить прежнее: чтобы ты шелъ назадъ въ

Новый Іерусалимъ и письмо твое взялъ. Никонъ рече: „Не пойду безъ отвѣту на письмо“.

Между тѣмъ государь раскрылъ письмо Никона и далъ дяку Алмазу читать. Читаетъ письмо: „Слышу молву великую о патриаршемъ престолѣ; одни такъ, другіе иначе, каждый, чтѣ хочетъ говорить. Слыша это, удалился я 14 Ноября въ пустыню внѣ монастыря на молитву и постъ, дабы извѣстилъ Господь Богъ, чему подобаетъ быти. Молился я довольно Господу Богу со слезами, и не было мнѣ извѣщенія“. „Еще бы такому крамольнику отъ Господа извѣщеніе! Съ ума онъ спятить!“ сказалъ Паисій. — „Читай дальше, очень любознательно“, сказалъ царь. Читаетъ: „Съ 14 Декабря уязвился я любовію Божіею больше прежняго, приложилъ молитву къ молитвѣ. слезы къ слезамъ, бдѣніе ко бдѣнію, постъ къ посту; и постился даже до 13 дней, не ѣлъ, не пилъ и не спалъ, лежалъ на ребрахъ и утомившись сидѣлъ съ часъ въ сутки. Однажды сѣвши сведенъ я былъ въ самый малый сонъ. И вижу: стою въ Успенскомъ соборѣ, свѣтъ сіяетъ большой, но изъ живыхъ людей нѣтъ никого; стоятъ одни усопшіе святители и священники. по сторонамъ, гдѣ гробы митрополичьи и патриаршіе. И вогъ одинъ святолѣпный мужъ обходитъ всѣхъ другихъ съ хартією и киноварницею въ рукахъ, и всѣ подписываются. И я спросилъ у него, чтѣ они такое подписываютъ? Тотъ отвѣчалъ: „о твоємъ пришествіи на святительскій престолъ“. Я спросилъ паки: „а ты подписался ли?“ И онъ отвѣщалъ: „Подписался“, и показалъ мнѣ свою подпись: смиренный Іона, Божіею милостію митрополить. Я пошелъ на свое мѣсто и вижу, на немъ стоятъ святители; я испугался, но Іона сказалъ мнѣ: „Не ужасайся, брате, такова воля Божія; възди на престолъ свой и паси словесныя Христовы овцы“. Ей, ей такое мнѣ видѣніе было, Господь свидѣтель о семъ. Обрѣтаюсь днесъ въ соборной церкви Святыя Богородицы, исповѣдая Вашему Царскому Величеству, понеже отхожденія своего вину исполнилъ. Чтѣ задумалъ, то и сотворихъ. И нынѣ пришедъ видѣть пресвѣтлое твое лице и поклонитися пресвятой славі царствія твоего. Взявши причину отъ Святаго Евангелія, гдѣ написано: „вы, рече, въздите въ праздникъ сей, яко время Мое не исполнися, егда же въздоша братія Его въ праздникъ, тогда и Самъ възде не явѣ, но яко отай“. И паки ино писаніе, рече Павелъ къ Варнавѣ: „Возвращышеса посѣтихъ братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихъ же възвѣстихомъ слово Божіе, яко суть“. Такжеже и мы пришли, како суть у васъ государей и у всѣхъ сущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ. Приидохъ азъ въ кротости и смиреніи. Хочеша ли самого Христа приняти? Азъ

твоему царствію явлю. Како Господу свидѣтельствующу: приеми вась, Мене приеми, и слушаай вась. Мене слушаетъ. Во имя Господне приими мя, и дому отверзи двери, да мзда твоя не умалится. Сіе написахъ азъ твоему царскому величеству не отъ себя что либо, не корчемствовахъ словомъ Божиимъ, но отъ чистоты, яко отъ Бога, и не отъ прелести діаволи, ниже лестію, но яко Предвидящаго сердца наша. Аминь“. „Чистый корчемникъ, святоша, наглець, сравнилъ себя со Христомъ! Да его казнить за это!“ со всѣхъ сторонъ слышались разные голоса. Царь недоумѣвалъ, что съ крамольникомъ сотворить. Рѣшили послать къ Никону митрополита Павла, объявить Никону, чтобы немедленно выѣзжалъ изъ собора въ свой Новый Іерусалимъ.

Павель прія рече Никону: „Письмо твое царю донесено; царь и бояре письмо твое слушали, а ты, патриархъ, не медля побѣжай въ твой Новый Іерусалимъ“. Никонъ ни слова не сказалъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошелъ къ дверямъ. „Оставь посохъ“, крикнули ему бояре. „Отнимите силою“, отвѣчалъ злобно Никонъ и вышелъ изъ церкви. Сталъ садиться въ сани, потряхивая ногами, говоря громко: „Идѣже аще не приемиютъ вась, псходя изъ града того и прахъ прилѣпшій къ ногамъ вашпмъ отрясите“. „Мы прахъ подметемъ“, крикнулъ бояринъ Матвѣевъ. Время еще до разсвѣта утромъ, и ярко была видна комета съ хвостомъ. Никонъ указалъ на комету и сказалъ: „Да размететъ вась всѣхъ Господь сею метлою. яже явися на дни многи“, и сани помчали лжепророка. и стрѣльцы поѣхали за нимъ для надзора.

И водвориша Никона паки въ его Іерусалимъ, когда получено было въ Москвѣ, что восточніи патриархи. по просьбѣ царя, уже на пути въ Россію и ѣдутъ по дѣлу для производства суда надъ Никонъ. А такъ какъ многіе ревнители по древнемъ благочестіи стали открыто говорить, что Никона нужно низложить за истребленіе древняго благочестія; но какъ оказалось, что все уже Россійское духовенство давно приняло новое Никоновское ученіе, и многіе изъ вышшаго духовенства разставлены на духовное правленіе не за добродѣтельное и воздержное житіе, а за любимое принятіе Никоновыхъ книгъ и новыхъ обычаевъ; а Никонъ же на дѣлѣ обвиняется царемъ и боярствомъ не за введеніе еретическихъ обычаевъ и за уничтоженіе святыхъ книгъ и нововводныхъ ересей, а за интриги съ царемъ и за неподобныя сношенія съ царскимъ семействомъ и за самолюбивую гордость. Поэтому царь и духовенство стали толковать, какъ поступить со мнимыми раскольниками. Царь, призвавъ нѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ, рече: „Раскольники требуютъ низложенія Никона за вве-

деніе ересей; вотъ намъ предстоитъ вопросъ: вернуться ли къ старопечатнымъ книгамъ и всёмъ древнимъ церковнымъ порядкамъ? Десять лѣтъ тому назадъ соборъ рѣшилъ, что Никоновскія книги есть настоящія и книга Скрижалъ, написанная Никономъ, тоже настоящая, потому что она составлена во обличеніе Россійскаго старовѣрства. И мы всё тогда къ этому были согласны и подписались. Да книги всё до-Никоновскія печатныя и письменныя тогда же были сожжены, и пепель ихъ тогда развѣянь, и все по тогдашнему нашему согласію. Поэтому и думать нечего о старыхъ книгахъ; а потому, до низложенія Никона, намъ необходимо унять старовѣровъ, дабы они послѣ не заявили, что Никонъ низложенъ по ихнему за ереси. И васъ прошу, духовные пастыри, соберитесь безъ моей и боярской власти и осудите раскольниковъ за непокореніе церкви. Знаете сами: если намъ вернуться къ старымъ книгамъ и законамъ, то всё мы будемъ опорочены и осмѣяны, и всё мы по древнимъ законамъ будемъ подлежать низложенію; сами обдумайте, можетъ быть расколо-учители и правы. Тогда всё мы куда годимся?⁴ *)

И вотъ, по приказанію государя, съѣхалось духовенство, собрался соборъ. На соборѣ были поставлены слѣдующіе вопросы. 1) Вопросъ: Признавать ли православными патріарховъ Греческихъ, несмотря на то, что они живутъ подъ властію султана Турецкаго? И этотъ вопросъ скоро рѣшили и признали патріарховъ православными; да и нельзя не признать, потому что патріархи ѣдутъ по требованію судить Русскую путаницу. 2) Вопросъ: Признавать ли православными Греческія книги, по которымъ Никонъ исправлялъ Россійскія? И утвердительно признали. Да не признать имъ было нельзя, потому что они же сами подписались, сожгли святыя книги, за то и саны получили. 3) Вопросъ: Признавать ли православнымъ Московскій соборъ 1654 года, осудившій старыя книги сожечи и новыя ввести, и всё новые законы принять? И тогда страдалецъ, протопопъ Аввакумъ, явился на соборъ и выступилъ на среду собора со свитою древнею книгою, и обличилъ суемудренный соборъ, задалъ вопросъ лицемѣрнымъ судіямъ: Признаютъ ли они всѣхъ Россійскихъ святыхъ угодниковъ и чудотворцевъ отъ князя Владимира и до отступника Никона спасшихся и нетлѣнными тѣлесами просіявшихъ? Этимъ вопросомъ, какъ громомъ, поразилъ весь еретичествующихъ сонмъ, но ниже уцѣломудри пришедшихъ на поправленіе истины, и сбылся на немъ Соломони Премудрости изрѣченіе: „обличи премудраго и премудрѣ будетъ, не обличай злыхъ да не возненавидятъ тебе“.

*) Можетъ быть, въ это время царь Алексѣй Михайловичъ обращался къ Аввакуму съ письмами, которыя показывалъ мнѣ въ Государственномъ Архивѣ покойный Гюббенетъ (вѣрный стражъ исторіографическихъ сокровищъ). П. Б.

И тако святый страдалецъ Аввакумъ великую мозоль пріять. Воспрегнѣша Аввакуму святія книги чести на соборѣ и осудиша всѣхъ непокорившихся нечестію Никонову: лишитъ священныхъ сановъ и остригчи имъ брады, и сослать въ заточеніе, а за двуперстное знаменіе отсѣченіе правыхъ рукъ; а за обличеніе Никоніанскихъ ересей отрѣзаніе языковъ, и прочія измыслиша небывалыя казни.

И между тѣмъ услышаша, что восточніи патріархи находятся въ пути и приближаются къ Москвѣ. И исполнися пророкованный 1666 годъ. И вызванные на сужденіе кореня горести, любоначальнаго возмутителя. Никона патріарха, Еллинстіи патріарси: Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій, при встрѣчѣ Россійскимъ государемъ Алексіемъ Михайловичемъ привѣтствованы такими государевыми рѣчами: „Вась, благочестнѣ, яко самихъ святыхъ верховныхъ апостолъ, пріемлемъ; любезнѣ, яко ангеловъ Божіихъ, объемлемъ. О, святая и пречестная двоице! Чтѣ вась наречемъ: херувимы ли, яко на вась почилъ есть Христосъ; серафимы ли, яко непрестанно прославляете Его?“ Сія-то двоица съ сущими съ ними сослужебниками, воспріятая за верховныхъ апостоловъ, увѣрованная за ангеловъ Божіихъ, были дѣйствующими органами собора и судьбы святонаслѣдственнаго православія. Они осуществляли главенство, были душею собора 1666 года, происходившаго въ нѣколицѣхъ засѣданіяхъ, до законодательнаго приговора 13 Мая 1666 года, запечатлѣвашаго предѣлы новопрданніи, съ осужденіемъ всѣхъ послѣдователей древнаго благочестія.

Къ преждереченному возвратимся, егда царь и бояре встрѣтиша прибывшихъ патріарховъ и назначиша время суда надъ Никономъ. Послаша за нимъ Кіевскаго блюстителя митрополичьей каеодры, епископа Меѳодія, и двухъ архимандритовъ, которые объявили Никону, что онъ долженъ итти на соборъ смиреннымъ обычаемъ, то-есть царь и бояре желаютъ, чтобы ты явился на соборъ не какъ патріархъ, а какъ простой мнихъ. Но Никонъ сіе принялъ съ презрѣніемъ и посланнымъ отвѣтствовалъ, что онъ унижить своего сана не желаетъ, и сказалъ, что это будетъ въ посрамленіе Россійской церкви предъ Греческими невольниками султана.

И тако собрашася въ столовой палатѣ при церкви Благовѣщенія въ Кремлѣ. Царь и восточніи патріарси сѣли на свои мѣста, такожде и вси свидѣтели по дѣлу Никона, бояре, окольничіи, думные и дьяки сѣдоша на свои мѣста. Егда же приведоша патріарха Никона въ палату, и не видя Никонъ себѣ сѣдалища, зѣло оскорбился и небрежно

и гордо поклонися восточнымъ патріархомъ и царю. Рече Никонъ: „Я мѣста себѣ гдѣ съестъ съ собою не принесъ. Пришелъ я узнать, для чего вселенскіе патріарси меня звали?“ гнѣвно спросилъ Никонъ. Глаголя царь патріархомъ: „Отъ начала Московскаго государства соборной апостольской церкви такого безчестія не бывало, какое учинилъ бывший патріархъ Никонъ. Для своихъ прихотей, самовольно, безъ моего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта, церковь оставилъ, патріаршества отрекся и учинилъ многіе смуты и мятежи, и церковь вдовствуетъ девятый годъ. Допросите его, для чего сіе учинилъ?“ И патріархи обратились съ симъ вопросомъ къ Никону. Рече Никонъ: „Имѣете ли вы согласіе съ Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ патріархами меня судить, и безъ ихъ совѣта я вамъ отвѣчать не буду, потому я имѣю хиротонію отъ Константинопольскаго патріарха“. Патріархи указаша ему свитки, содержащія согласіе названныхъ патріарховъ. Глаголя Никонъ: „Бью челомъ великому государю и патріархамъ выслать изъ собора моихъ недруговъ: Питирима, митрополита Новгородскаго, и Павла Крутицкаго; они хотѣли меня отравить и удавить“. Но Никону въ семь отказали. Глаголаша патріархи Никону: „Чесо ради отречеся патріаршества?“ Рече Никонъ: „Удалихся отъ царскаго гнѣва“. Глаголя царь: „Посылалъ азъ къ Никону князя Юрія Ромодановскаго съ тѣмъ, чтобы Никонъ не писался и не назывался великимъ государемъ, понеже ранѣе его бывшіе патріарси не именовашася“. Глаголя Ромодановскій: „Кромѣ велѣнія царева азъ Никону ничто же не глаголахъ“. Рекоша патріархи: „Какія тебѣ отъ великаго государя были обиды?“ Рече Никонъ: „Никакихъ обидъ не бывало. Но когда царь не сталъ ходить въ церковь, то я патріаршество и оставилъ“. Рекоша патріархи ко архіереамъ: „Какія обиды были Никону отъ царя?“ Рекоша архіерси: „Никакихъ обидъ не было“. Рече Никонъ: „Я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевѣ гнѣвѣ. И прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣжали: Аѳанасій Александрійскій, Григорій Богословъ“. Рекоша патріархи: „Другіе патріархи оставляли престоль, да не тако, якоже ты отрекся, что впредь не быть тебѣ патріархомъ, то анаѳема будешь“. Рече Никонъ: „Азъ тако не глаголахъ, а я говорилъ, что иду за свое недостойнство“. Рекоша патріархи: „Когда ты ставиша въ священный чинъ, тогда глаголалъ достоинъ, а когда тебѣ сдѣлалъ царь замѣчаніе о твоей несправедливости, тогда сталъ недостойнъ“. Рече Никонъ: „Это на меня выдумали“. Рече царь: „Никонъ писалъ на меня въ грамотахъ своихъ *) святѣйшимъ патріархамъ многія безчестія и укоризны, а я на него ни малаго без-

*) Эти грамоты доселѣ не обнародованы. Покойный протоіерей М. С. Боголюбскій передавалъ мнѣ, что списки съ нихъ хранятся въ Троицкой лаврѣ. П. Б.

честія и укоризны не писалъ. Допросите его: вею ли онъ истину, безо всякаго прилога, писалъ, за церковные ли догматы онъ стоялъ: Іоасафа патріархомъ святѣйшимъ и братомъ себѣ почитаетъ ли, и церковныя движимыя и недвижимыя продавалъ ли?“ Рече Никонъ: „Въ грамотахъ писалъ, за церковные догматы стоялъ, Іоасафа за патріарха почитаю, а вещи церковныя продавалъ, за то винюсь и прошу прощенія, а грамоты моей патріарху Діонисію не вели читать“. Рече царь: „Не хотѣлъ ты слушатися и шумѣлъ, самъ виноватъ, пушай читаетъ“. И приказаша читать грамоту думному дьяку. И дочитывается до сего: „посланъ я въ Соловецкій монастырь за мощьми Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ несправедно“. Рече царь: „Для чего такое безчестіе и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утайлъ, какъ ты извергъ безъ собора Павла, епископа Коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ на заточеніе. Допросите его: по какимъ правиламъ онъ это дѣлалъ“. Рече Никонъ: „По какимъ правиламъ я его извергъ и сослалъ, того не помню; есть о немъ на патріаршемъ дворѣ дѣло“. Рече митрополитъ Павелъ: „На патріаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало, а Никонъ извергъ Павла за правое дѣло“. И Никонъ на сіи обличенія отвѣтити ничего не могъ. И думный дьякъ дочитывается до сего: „Царь началъ вступаться въ патріаршія дѣла“. Рече царь: „Допросите его, въ какія патріаршія дѣла я вступаюсь“. Рече Никонъ: „Что я писалъ, того не помню“. Думный дьякъ читаетъ: „Оставилъ патріаршество черезъ государевъ гнѣвъ“. Рече царь: „Допросите, какой отъ меня ему былъ гнѣвъ и обида“. Рече Никонъ: „На боярина Хитрово не далъ обороны“. Рекоша патріархи: „Аще бы и правда, что бояринъ билъ твоего человѣка, но подобало бы тебѣ терпѣть, бить челомъ государю, а не сердиться“. Рекоша архіереи: „Когда Никонъ снималъ панагію и ризы въ Успенскомъ соборѣ, то говорилъ: аще помыслию въ патріархи, анаѣма да буду; панагію и посохъ оставилъ, взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничто же рече. Поѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, за нимъ повезли его люди много сундуковъ съ имѣніемъ, да къ нему жъ отослано изъ патріаршей казны 2,000 рублевъ“. Никонъ не могъ на сіе никакого отвѣту дати. Рече царь: „Когда Никонъ былъ на патріаршествѣ, то перевелъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань и другихъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ“. Рече Никонъ: „Я это дѣлалъ не по правиламъ, по невѣдѣнію“. Рече митрополитъ Питиримъ: „Ты и самъ на Новгородскую митрополию возведенъ на мѣсто живаго митрополита Аѳонія“. Рече Никонъ: „Аѳонія былъ безъ ума: чтобъ и тебѣ также обезумѣть!“ Думный дьякъ читаетъ: „Отъ сего беззаконнаго собора не стало на Руси соединенія

съ восточными церквами, и отъ благословенія твоего патріарха (Царяграда) отлучились, отъ Римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими“. Рече царь: „Поэтому Никонъ насъ считаетъ всѣхъ еретиками, и аще бы дошло то письмо до вселенскихъ патріарховъ, то всѣмъ намъ быть бы подъ клятвою, и отъ этого его ложнаго письма надобно всѣмъ намъ очиститься“. Рекоша патріархи: „чѣмъ Русь отъ соборной церкви отлучилась?“ Рече Никонъ: „Газскій митрополитъ Паисій долго на Москвѣ жилъ, перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую и другихъ архіереювъ съ мѣста на мѣсто переводилъ, а я самага его митрополитомъ не считаю, у него ставленной грамоты нѣтъ“. Рече царь: „Никонъ проклялъ боярина Стрѣшнева безвинно“. Никонъ рече царю: „Богъ тебя будетъ судить; я узналъ на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я возненавиденъ и мученъ“. Рече царь: „Допросите его, какъ это онъ узналъ на избраніи своемъ?“ Рекоша патріархи: „Какъ это ты узналъ?“ На сіе Никонъ не далъ никакого отвѣта. Рече архіепископъ Рязанскій Иларіонъ: „Никонъ говорилъ, что видѣлъ звѣзду метлою, и оттого будетъ Московскому государству погибель; пусть скажетъ, отъ какого духа онъ это увѣдалъ“. Рече Никонъ: „И въ прежнее время такія знаменія бывали, и на Москвѣ это сбудется. Господь пророчествовалъ на горѣ Елеонской о разореніи Іерусалима за 40 лѣтъ“.

Въ первый день сямъ и оконченъ былъ судъ надъ Никономъ до слѣдующаго дня, и Никона увезли въ Архангельское подворіе.

5-го Декабря, паки собору всему собрану бывшу, явися и Никонъ, лицомъ блѣденъ и суровъ. Рече патріархъ Паисій къ Никону: „Ты отрекся отъ патріаршаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины“. Рече Никонъ: „Я ушелъ отъ гнѣва государева“. Рече патріархъ Паисій: „Кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима?“ Никонъ рече: „Не писался и не говаривалъ“. Архіепископъ Иларіонъ Рязанскій глаголетъ: „онъ мнѣ писалъ“, и показываетъ письмо Никоново. Рече Никонъ: „Рука моя: видно, я описался. Слышалъ я отъ Грековъ, что на Антиохійскомъ и Александрійскомъ престолахъ иные патріархи сидятъ; чтобъ государь призвалъ свидѣтельствовать: пусть патріархи положить Евангеліе“. Патріархи рекоша: „Мы патріархи истинные и не отрекались отъ престоловъ своихъ, развѣ Турки безъ насъ что сдѣлали. Но если кто дерзнулъ на наши престолы безнаказанно, по принужденію султана, тотъ не патріархъ, а прелюбодѣй. А Святому Евангелію быть не для чего, не подобаетъ Евангеліемъ клятися“. Никонъ рече: „Отъ сего часа свидѣтельствую Богомъ, что не буду предъ патріархами говорить, пока Константинопольскій и

Иерусалимскій сюда будутъ“. Рече архіепископъ Иларіонъ Рязанскій: „Какъ ты не боишься суда Божія, вселенскихъ патріарховъ безчестишь?“ Рекоша патріархи къ собору: „Скажите про отрицаніе Никоново съ клятвою“. Питиримъ Новгородскій, Іоасафъ Тверскій рекоша: „Никонъ отрекся и говорилъ: если буду патріархъ, то анаѳема буду“. Рече Никонъ: „Я назадъ не поворачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть на престолѣ патріаршескомъ, а кто по мнѣ будетъ патріархъ, тотъ будетъ анаѳема. Такъ я и писалъ государю, что безъ моего совѣта не поставятъ другаго патріарха. Я о престолѣ ничего не говорю, а какъ изволятъ государь и патріархи“. Патріархи прочитали правила по-гречески и велѣша чести Иларіону Рязанскому по-русски. Иларіонъ читаетъ: „аще кто покинетъ престоль волею, безъ навѣтовъ, тому впредь не быть на престолѣ“. Рече Никонъ: „Сіи правила не апостольскія. и не вселенскихъ соборовъ и не помѣстныхъ; я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю“. Рече митрополитъ Павелъ; „сіи правила приняты церковію“. Рече Никонъ: „Ихъ въ Русской Кормчей нѣтъ, а Греческія правила не прямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики. А я не отрекался отъ престола, это на меня нагали“. Рекоша патріархи: „Греческія правила прямыя“. Рече архіепископъ Тверской Іоасафъ: „Когда онъ отрекался съ клятвою отъ престола патріаршескаго, то мы его молили, чтобы онъ не покидалъ престола; но онъ говорилъ, что разъ отрекся, и больше не патріархъ, а если возвратится, то будетъ анаѳема“. Глагола бояринъ Алмазь Ивановъ: „Никонъ писалъ государю, что ему не подобаетъ возвратиться на престоль, яко псу на свои блевотины“. Никонъ рече: „Того не писалъ. Не только меня, но и Златоуста изгнали неправедно“. Обратился къ царю съ негодованіемъ: „Когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, государь, самъ неправду свидѣтельствовалъ, а я испугавшись только пошелъ отъ твоего гнѣва“. Рече царь: „Непристойныя рѣчи, безчестя меня, говоришь; никто на меня бунтомъ не приходилъ, а приходили земскіе люди, и то не на меня приходили, а бить челомъ объ обидахъ“. Голоса отъ собора: „Какъ ты не боишься Бога, непристойныя рѣчи говоришь, великаго государя безчестишь!“ Рекоша патріархи: „Для чего ты клобукъ черный съ херувимами носишь и двѣ панагіи?“ Рече Никонъ: „Ношу черный клобукъ по примѣру Греческихъ патріарховъ: херувимы ношу по примѣру Московскихъ патріарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ. Съ одною павагією съ патріаршества сошелъ, а другая крестъ—въ помощь себѣ ношу“. Рекоша архіереи: „Когда отъ патріаршества отрекся, то бѣлаго клобука съ собою не взялъ, а взялъ простой мнишескій, а нынѣ носишь съ херувимами“. Рече Антиохійскій патріархъ: „здѣ ли что Антиохійскій

патріархъ не судія вселенскій?“ Никонъ рече: „Тамъ себѣ и седи. Въ Александріи и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: Александрійскій живетъ гдѣ-то въ Египтѣ, а Антіохійскій въ Дамаскѣ“. Рекоша патріархи: „Когда благословили вселенстіе патріархи Іова, митрополита Московскаго, на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?“ Рече Никонъ: „Я въ то время не великъ былъ“. Патріархи рекоша: „слушай правила святыхъ“. Рече Никонъ: „Греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики“. Рекоша патріархи: „Приложи руку, что нашъ Номоканонъ еретическій и скажи, какія въ немъ ереси?“ Никонъ рече: „Это дѣло не мое“. Рекоша патріархи: „Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа, и сколько патріарха?“ Никонъ рече: „Епископа судятъ 12 епископовъ, а патріарха—вся вселенная“. Рекоша патріархи: „Почему ты одинъ Павла, епископа Коломенскаго, низвергъ не по правиламъ?“ Никонъ на сіе никакого отвѣта не даде. Рече царь: „Вѣриши ли всеѣмъ вселенскимъ патріархамъ? Они подписались своими руками, что Антіохійскій и Александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву.“ Рече Никонъ: „Рукъ ихъ не знаю“. Рече Антіохійскій патріархъ: „Это истинныя руки патріаршескія“. Никонъ рече съ грубостію: „Широкъ ты здѣсь; какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ Константинопольскимъ патріархомъ?“ Голоса отъ собора: „Какъ ты Бога не боишься, великаго государя безчестншь и вселенскихъ патріарховъ, всю истину въ ложь ставишь“. Патріархи рекоша: „Отберите у Никона крестъ, который предъ нимъ носятъ; ни одинъ патріархъ этого не дѣлаетъ, а это есть Латинскій обычай. И отселъ ты, Никонъ, не будешь патріархъ, и священная да не дѣйствуешь, а будешь яко простой мнихъ“. Симъ и окончися судъ надъ Никономъ. И свезоша Никона на Архангельское подворіе до объявленія ему законнаго низложенія. И судіи розыдошася.

И 8-го Декабря пакы собирается весь прежде бывшій соборъ, во главѣ царя и патріарховъ. И написаша грамоту по правиламъ о низложеніи Никона, и вси судіи и свидѣтели подписашася. Никона же того дня не позваша.

И пакы собирается весь преждереченный соборъ въ церкви Чудова монастыря. Патріархи и вси архіереи были въ саккосахъ, и вси ста ша на своихъ мѣстахъ. Приведенъ былъ Никонъ: видъ его былъ гордый и гнѣвный. Бояринъ Алмазь Ивановъ и одинъ изъ Грековъ начаша читать выписку изъ соборнаго дѣянія по-гречески и по-русски. По окончаніи чтенія патріархи поидоша къ царскимъ вратамъ, при-

зваша къ себѣ Никона и начаша ему читати обвинительное соборное изложеніе содѣянныхъ имъ вины, за которыя низвергается сана. Сице начаша: „Проклиналь Россійскихъ архіереевъ въ Недѣлю Православія мимо правилъ и суда; покинутіемъ престола заставиль церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ; ругался двоимъ архіереямъ: одного называлъ Анною, другаго Каіафою; изъ двоихъ бояръ одного называлъ Иродомъ, а другаго Пилатомъ; когда былъ призванъ на соборъ по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ, и не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними престолами, но скитаются внѣ своихъ епархій, судъ ихъ уничтожалъ и всѣ правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по вселенскомъ, всячески отвергъ: Номоканонъ назвалъ книгою еретическою, потому что напечатана въ странахъ западныхъ: въ письмахъ къ патріархамъ православнѣйшаго государя обвинялъ въ латынствѣ, называлъ мучителемъ, неправеднымъ, уподоблялъ его Іеровоаму и Осіи, говорилъ, что синклитъ и Всероссійская церковь приклонились къ Латынскимъ догматомъ; но порицающій стадо ему врученное, не пастырь, а наемникъ; архіерея одинъ самъ собою низвергъ; по изложеніи Павла, епископа Коломенскаго, мантию снялъ и предаль его на лютое біеніе, и безчестно приказалъ казнить огнесожженіемъ; отца своего духовнаго повелѣлъ безъ милости бить, и патріархи сами язвы его видѣли; живя въ Воскресенскомъ монастырѣ, многихъ людей, иноковъ и бѣльцовъ, наказывалъ не духовно, не кротостію за преступленія, но мучилъ мірскими казнями: кнутомъ, палицами, иныхъ на пыткѣ жегъ“.

Когда же чтеніе окончилось, Александрійскій патріархъ снялъ съ Никона клобукъ, и надѣли на него простой мнишескій, и сказали: „Впредь патріархомъ не называйся и не пишись, а называйся простымъ мнихомъ Никономъ; въ монастырѣ живи тихо, безмятежно и о своихъ согрѣшеніяхъ моли всемилостиваго Бога“. — „Знаю“, воскликнулъ Никонъ: „и безъ вашего поученія, какъ жить! А что вы клобукъ и панагію съ меня сняли, то жемчугъ съ нихъ раздѣлите по себѣ, достанется вамъ жемчугу золотниковъ по пяти или по шести да золотыхъ по десяти. Вы есте просяки и грабители, а не пастыри, и пришли есте не на пользу, но лестію и похлебствомъ жестокоправныхъ чловѣкъ сердца похитити, и именемъ патріаршества точію, а не дѣломъ нраву ихъ разрѣшеніе учините. И тѣмъ несытую вашу, сребролюбивую и аду подобную гортань наполните“. И патріархъ Паисій не стерпѣлъ сего оскорбленія: посохомъ своимъ сшибъ съ Никоновой головы клобукъ на землю, и много другъ друга укоряюще и поносяще. Затѣмъ Никонъ закричалъ: „Зачѣмъ вы дѣйствуете какъ воры, въ мона-

стырской церкви, въ отсутствіи народа? Поставленъ я въ патріархи при всенародномъ множествѣ. Ведите меня въ ту церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ“. На сіе Никону патріархи отвѣтила: „Все равно, въ какой было произнесено опредѣленіе собора, лишь бы оно было по совѣту царя и архіереевъ“. По семъ взяша Никона подъ стражу и повезоша изъ Чудова монастыря въ простыхъ саняхъ на земскій дворъ, и ждаты указа повелѣша.

Черезъ нѣсколько дней осудиша Никона сослать въ Терапонтовъ монастырь въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, куда и свезоша подъ стражей; и тамъ Никонъ жилъ близъ монастыря, на острову, длиною въ 20, а шириною въ 5 сажень. Никонъ тутъ водрузилъ четырехконечный крестъ съ надписаніемъ, что крестъ поставленъ патріархомъ Никономъ, бывшимъ въ заточеніи. И бывший при Никонѣ тамъ мнихъ Іона, искусный рѣзчикъ, рассказывалъ стрѣльцкому головѣ Шепелеву и письменно засвидѣтельствовалъ, что Никонъ къ тому кресту ѣздилъ, бесѣдовалъ съ дьяволомъ, который являлся ему въ образѣ змія; и Никонъ обнималъ его и цѣловалъ, и спрашивалъ, что объ немъ говорить въ народѣ.

Обо всемъ этомъ голова Шепелевъ донесъ царю. И Ѳедоръ Алексѣевичъ послалъ туда Тульскаго архимандрита Павла и дворянина Ивана Желябовскаго*). И на основаніи показаній ихъ Никонъ переведенъ въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь. По нѣколицѣхъ же лѣтѣхъ, по просьбѣ царицы Наталіи Кирилловны, разрѣши царь Никону возвратиться въ Новый Іерусалимъ. Но Никонъ на пути, не доѣзжая Ярославля, умеръ 18 Августа противъ Спасскаго монастыря, на рѣкѣ Котросли, и откуда перевезенъ былъ въ Новый Іерусалимъ, гдѣ и погребенъ въ церкви называемой „Темница“.

*

Отъ таковыя глубины темнаго ада да избавитъ насъ Христосъ Богъ нашъ, и да утвердитъ въ древлецерковныхъ законахъ и обычаяхъ, и въ сохраненіи заповѣдей Божіихъ до конца жизни нашея пребывати, и во оставленіи грѣховъ и чистое покаяніе Ему, Всещедрому Владыцѣ, принести, и вѣчныхъ благъ получить.

Одинъ писатель Никоновой исторіи, Иванъ Шушеринъ, пишетъ сице: „Зри въ тыя времена, егда Никону превращающую всѣ древлецерковныя

*) Объ этомъ не сказано въ Запискахъ Желябужскаго въ 9-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1910 г. II. Б.

уставы на новые, вѣкій поселянинъ Димитрій, съ Волги, откуда былъ и самъ Никонъ родомъ, рассказывалъ слѣдующее: „Изловившу ми осетра великаго, повезъ я его къ Москвѣ въ даръ отцу патриарху Никону: другъ онъ мнѣ былъ прежде. Патриархъ обрадовался мнѣ, благословилъ и велѣлъ быть неотступно при себѣ въ палатѣ; напоивъ меня питіями съ удовольствіемъ, онъ велѣлъ мнѣ спать близъ себя, въ другой каморѣ. Проснувшись ночью, я сквозь малую скважину въ двери, видѣлъ Никона въ большой палатѣ, отъ многихъ бѣсовъ почитаема. Они его любезно лобызали и посадили на престолъ и величали его царемъ; кланялись ему и говорили: „Воистину любезный ты другъ есть и большій братъ нашъ, яко ты намъ поможе крестъ Маріина Сына изгнати, низложити и преодолѣти. Точію се неладно сотвори: чесо ради присно чловѣка пустилъ еси къ себѣ спати; слышитъ бо вся наша дѣйства; иди и удави его, да не повѣсть сего“. Рече Никонъ бѣсамъ: „Другъ ми есть достойный и сосѣдъ ближній, упився спитъ“. Паки рекоша бѣси: „Иди и удави“. Отвѣща Никонъ: „Азъ иду и искушу его“. И прииде ко мнѣ, нача будити меня, но азъ претворихся, будто сплю. Тогда Никонъ нача стрекотати иглою пяты ногъ моихъ. И я едва крѣпихся, но говорихъ: „Я другу моему, отцу Никону, объявлю“, и опять начахъ храпѣть и спать. И Никонъ ушелъ отъ меня, и затѣмъ ушелъ онъ въ соборъ. Отъ видѣннаго ужаса мнѣ не спится, и я пошелъ въ патриаршую ложницу и увидѣлъ у постели ступни чернаго бархата. Посмотрѣвъ внутрь ихъ, замѣтилъ стельки добраго сукна и, ощутивши въ нихъ что-то, подпороль и къ великому моему ужасу увидахъ въ одной стелькѣ былъ образъ Пресвятыя Богородицы, а въ другой крестъ трисоставный, изъ тонкаго сребра. Когда вернулся Никонъ и спрашивалъ меня, что я видѣлъ, и я отвѣчалъ: „Ничего не помню, владыко. Токмо пяты болятъ. опохмелиться хотять“, Никонъ нача смѣяться, и опохмеливъ меня довольно, благословилъ и отпустилъ къ дому“.

Другій повѣствователь, келейникъ Никона, старецъ Андреянъ, повѣствуетъ сице: „Азъ быхъ келейникомъ патриарха Никона. Единожды усмотрѣхъ азъ въ патриаршихъ сапогахъ на стелькахъ изображеніе: на одной стелькѣ трисоставный крестъ Христовъ, а на другой образъ Пресвятыя Богородицы“. Далѣе повѣствуетъ Андреянъ: „Возненавидѣхъ азъ за сіе патриарха и многожды нача ему пререковати, и онъ многожды бихъ мя; но азъ не престая обличахъ патриарха. Онъ же вельми на мя разъярився, повелѣ оковати нозѣ мои желѣзы тяжкими и оловомъ залити, и заточити въ Палеостровскій монастырь, на Онегѣ озерѣ“.

Нѣкогда бывшій во служеніи у патриарха Никона иподіаконъ Ѳеодоръ повѣствуетъ сице: „Единожды мнѣ, правящу патриаршую

постелю, и усмотрѣхъ подѣ патриаршею постелею образъ Распятія Христова. Ужасохся и бѣжахъ отъ патриарха“. Послѣди же сей Θεодоръ сожженъ былъ съ протопопомъ Аввакумомъ въ Пустозерскѣ.

Мнихъ нѣкій, именемъ Наѡанаилъ, родомъ Кіевлянинъ, бывшій уставникомъ у патриарха Никона, повѣствуетъ сице: „Единожды глагола ми патриархъ: „при святомъ крещеніи, во отреченіи сатаны не подобаеть на него плевати, ибо не знаючи у насъ то творять“. Азъ же начахъ съ нимъ претися, что подобаеть. И послѣ долгихъ пререканій азъ сказахъ: „Азъ плюю и на того, кто и за сатану стоитъ“. За сіе вельми развирѣпѣ на мя Никонъ и повелѣ мя бити плетьми и затѣмъ сосла мя въ заточеніе, въ его новый Крестный монастырь на Бѣлое море“.

Егда же патриархъ Никонъ напечата свои новыя растлѣнныя служебники и вси церковныя книги, по своему злодыхательному на святыя уставы коварству, приказа новыя книги по всѣмъ церквамъ и епархіямъ развозити и по нимъ служить, а святыя богодухновенныя древнія книги повсюду повелѣлъ накрѣпко обирати и привозити къ Москвѣ и всенародно на Лобномъ мѣстѣ, яко непотребный плевель, казни предавати, сирѣчь сжигати.

Егда Никону бывшу патриархомъ и отнюдь не взираше на святоотеческое древнее преданіе и святое писаніе, а повсюду разсылаше приказанія, чтобы нигдѣ не служили по старопечатнымъ книгамъ, причастіе бы вездѣ производили по новому уставу. А кто не восхоцетъ принимати новаго причастія, таковыхъ приказоваше приводити и причащати сидю; предписываше кляпы во уста влагати и причастіе тако вливати, а не покоряющихся въ заточеніе ссылати и казнити.

Въ Недѣлю Православія въ Успенскомъ соборѣ при участіи трехъ патриарховъ: Московскаго, Антіохійскаго и Сербскаго и пяти архіереевъ Русскихъ, и множества народа, и архимандритовъ, и игуменовъ, и прочаго духовенства, и храмъ былъ переполненъ молящимися, въ числѣ которыхъ находился и самъ царь, когда литургія окончилась вмѣстѣ съ обрядомъ православія, происходившимъ тотчасъ послѣ трисвятаго, патриархъ Никонъ, сопровождаемый духовенствомъ, вышелъ на амвонъ, гдѣ уже приготовленъ былъ аналой. Одинъ изъ дьяконовъ открылъ предъ патриархомъ книгу бесѣды, въ которой онъ началъ читать соотвѣтствующую дню бесѣду. Прочитавъ ее, послалъ людей своихъ за иконами,

которые были изъ домоу жителей отобраны и отъ знатныхъ сановниковъ, и принесли къ патриарху. Въ отсутствіе царя Никонъ приказалъ, чтобъ царь не видалъ, своимъ служителямъ выкололъ глаза у собранныхъ иконъ, и въ такомъ видѣ носить по городу и объявляя царскій приказъ, угрожавшій строгимъ наказаніемъ, кто впредь осмѣлится писать подобныя иконы. Москвитяне весьма привержены къ иконамъ (говоритъ исторія митрополита Макарія), какъ бы онѣ ни были написаны, увидя это, пришли въ сильное негодованіе и говорили, что патриархъ тяжело погрѣшилъ, осыпая его бранью—иконоборцемъ. Затѣмъ оба патриарха предали анаѳемѣ и церковному отлученію всѣхъ, кто впредь будетъ писать иконы или держать въ домѣ подобныя иконы, причемъ Никонъ бралъ одну за другою подносимыя ему иконы и каждую, показывая народу, бросалъ на желѣзный полъ съ такою силою, что иконы разбивались, и повелѣлъ ихъ сжечь. Тогда царь, слушавшій въ смиренномъ молчаніи проповѣдь Никона, тихимъ голосомъ сказалъ ему: „Нѣтъ, батюшка, не вели ихъ сжигати, а лучше прикажи зарыть въ землю.“ Каждый разъ, когда Никонъ бралъ въ руки какую-либо изъ иконъ, онъ приговаривалъ: эта икона взята изъ дому вельможи, сына такого-то, людей знатныхъ; онъ хотѣлъ ихъ пристыдить всенародно, чтобы и другіе не слѣдовали ихъ примѣру.

Мученіе за двуперстное сложеніе и молитву Іисусову княгини Евдокіи Урусовой и Θεодосіи Морозовой.

И ждущимъ имъ гостей обѣщанныхъ, и се во второй часъ ноци Іоакимъ, архимандритъ Чудова монастыря, вниде въ постельну къ Θεодосіи дерзко, и видѣвъ ю возлежащу, и понуди ю возстатп. И рече ей: „како крестившия и молитву Іисусову глаголеши?“ Она же сложа двуперстно, по древнему преданію святыхъ отецъ, и отверже уста своя глаголя: „Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ“. Таже пришедшій съ Іоакимомъ думный Иларіонъ Ивановъ спросилъ Евдокію: „како знаменуещя?“ Она же такожде показа два перста и глагола, Господа Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ величаючи, рече: „сице вѣрую“. Такожде и слугъ ихъ вопрошиша: Ксенію и Анну. Тако и сіи не отвергошася и исповѣдаша два персты. А Θεодосіи и Евдокіи возложиша на носѣ желѣза конская и вринуша въ темницу. Послѣжде взяша ихъ и ведоша во вселенскую палату, идѣже собращася Павелъ, митрополитъ Крутицкій, Іоакимъ, архимандритъ Чудовскій, и думные. Нача вопрошати митрополитъ Θεодосію: „Приобщаешия ли по тѣмъ службникамъ, по конмъ царь приобщается?“ Она же мужественно отвѣща: „Не причащуся, понеже Никонъ врагъ Божій, службники наполни ересью“.

Такожде и Евдокія отвѣща. И сняша оковы съ ногъ, и возложиша на выи ихъ. Онѣ же знаменаша и цѣловаша цѣпи. И повезоша въ два часа ноци на ямской дворъ на мученіе. Князь Волынскій предъ мученіемъ нача боярыню уговаривать: „Покорись хоть обманно: ходи въ церковь, не молись тамъ, сдѣлай только видъ, что покоряешься; когда будешь креститься, отнеси три перста, а крестись двумя“. Боярыня отвѣщала: „Не лгала я и лгать не буду, обманывать не стану“. Подняли княгиню на дыбы. Мучитель закричалъ: „покоряешься ли?“ — „Нѣтъ“, отвѣщала княгиня и въ вывернутыхъ изъ суставовъ рукахъ показала два перста, крестное знаменіе. И послѣ онаго биша немилостивно по всему тѣлу плетми и палиша огнемъ. И такожде мучиша и боярыню. И сняша ихъ съ дыбы, и бросиша въ темницу, а по семъ отвезоша въ Боровекъ, и посадиша въ яму, гдѣ голодною смертію святін страстоперницы за святое Христово крестное знаменіе животь свой скончаша голодною смертію.

*

Мало занимавшись Русскою исторіею XVII вѣка, не можемъ вполне оцѣнить это сказаніе, написанное какъ занимательная повѣсть; но для насъ очевидно, что это произведеніе времени позднѣйшаго: не такъ писали царь Алексѣй Михайловичъ, наши посланцы къ чужимъ дворамъ, протопопъ Аввакумъ въ своихъ посланіяхъ и автобіографіи. Тутъ уже мало простоты и своеобразнаго изящества, а встрѣчаются часто подновленія въ слогѣ. Итъ, что напечатанное здѣсь „Сказаніе“ распространено между грамотными старообрядцами, которые только въ этомъ видѣ знаютъ великаго дѣятеля Русской исторической жизни. П. Б.

